

ЗОРОХ

Жейнов Артур

16+

Артур Жейнов

Зорох

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Жейнов А. И.

Зорох / А. И. Жейнов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Идея книги – большое приключение и большое испытание. Договоримся сразу – никого жалеть не будем. Проведем героев по лабиринту самых тяжелых - ранящих тела и души - сражений. Не дадим честного выбора, заставим принимать сложные и опасные решения. Пусть ошибаются. Все будет по-настоящему. Сильный проиграет слабому, а благородный подлому. Оставим маленькую лазейку, еле заметный шанс. Постараются – выстоят и, может быть, заслужат наше уважение и право на жизнь в следующей книге. Дизайн обложки Жейнов А.И.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	39
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРО ГЕРОЕВ И ТРУСОВ

Победив, много узнаешь о себе и о тех, кто рядом.

Проиграв, узнаешь правду.

Глава 1

Корабль давал сильную осадку, трюмы были полны холодной морской воды. «Хозяин ветра» то и дело загребал носом, волны обрушивались на палубу, и тогда борта судна почти полностью скрывались в бурлящей пенной пучине.

Облупившаяся покрытая чешуей голова богини Сатхи погружалась в бушующее море и снова устремлялась к небу. Моряки знали, сейчас Сатха вспоминает их грехи и заслуги, и если первое перевесит второе, эта ночь для них будет последней.

«Среди нас есть большие грешники, но свои грехи мы знаем, – думал помощник капитана Амади Туил, толстый, средних лет мужчина, с обветренным лицом и красными слезящимися глазами. – Что бы мы там ни сделали, но Сатха тридцать лет терпела наши проступки. А вот то, что сделал Хавий она уже не простит. Все это большая ошибка. Мы все умрем из-за его жадности. А ведь я говорил ему. Я говорил тебе, слышишь? – обращался он мысленно к капитану. – Нельзя брать на борт проклятых! Нельзя! Сколько раз повторял – два?!. Четыре?!. Старый сумасшедший – по твоей вине дети Тритона утопят нас!» – И будто в подтверждение этих мыслей рядом с кораблем ударила молния. Волосы на голове и руках Амади встали дыбом, глаза наполнились ужасом. Как и все моряки он был суеверен. Есть правило: близится шторм – забудь о смерти, покажи морским братьям свою смелость, верь в удачу, и тогда беда пройдет стороной. Но он давно уже ждал от жизни только плохого, и чем дальше, тем хуже получалось это скрывать. Когда-то в юности, казалось, страха нет вовсе. Был задор, восторг и вера в бессмертие. Но шли годы, юность растворялась в морской соленой воде вместе с ее надеждами и безрассудным бесстрашием. Падали с мачт моряки – калечились и разбивались на смерть, тонули в океане, умирали от истощения и болезней. Он многих пережил, но с годами, с опытом – чем больше знал, чем больше умел, тем меньше верил в собственные силы, тем сильнее боялся.

– Амади! – окликнул его Хавий Рог – старый, худой, но все еще крепкий капитан торговой аялы Хозяин ветра. Сегодня он был зол и необычно нервозен. Все его распоряжения выполнялись с большой неохотой или не выполнялись вовсе. Всему виной «проклятые», которых он взял на борт без ведома команды, и которые, по мнению корабельного духовника несут судну гибель. Назревал бунт, и сейчас капитану необходимо было проявить жесткость. Зачинщиков было трое. Хавий знал – Амади в этой троице слабое звено. Помощнику в отличии от других было, что терять. Если хорошенько надавить на Амади, то он сдастся. А как только подчинится он, подчинятся и остальные – вернется порядок.

– Спустись в трюм, посмотри, как они? – крикнул Хавий Рог. – Ты слышал мой приказ, Амади?! – требовательно спросил он, подозревая, что тот в очередной раз скажется глухим. – Амади?!

– Что может случиться с проклятыми? Они итак прокляты, – недовольно отозвался помощник. – Это мы пойдем ко дну, а они сквозь щели пролезут и выплывут, как водяные змеи. – Амади помолчал, и чуть сбавив тон, просительно продолжил: – Не надо ходить к ним капитан. Когда к ним пошел Элин, то сломал ногу. Вельт приносил им воду третьего дня, а потом свалился за борт и камнем ко дну. Сколько раз пьяный падал и ничего. А в тот день ни капли – сухой, как старый тюлений ремень на поясе висельника. Плюхнулся и не выплыл. Как такое может быть? Это все они. Каждый раз спускаюсь и чувствую, как душу высасывают! Большое несчастье ждет всех нас. Все морские боги бабы, все неверные, как жены моряков. Из-за «проклятых» Сатха отеклась от нас! Бросить их за борт и дело с концом.

– Кто вам сказал, что они проклятые?! – крикнул Хавий, глядя по сторонам. – Узнаю, кто распускает подобные небылицы, и прямо отсюда отправлю домой своими ногами, – пригрозил

он, отлично зная, кто стоит за всеми слухами. Амади, отправляйся в трюм, не испытывай мое терпение. Когда ты последний раз их кормил?

– Они не хотят. У них морская болезнь.

– Они должны есть. Иди и спроси, чего они хотят.

Амади отрицательно помотал головой.

– Слушайте все! – объявил капитан. – Братья! Мы избороздили Бескрайнее море вдоль и поперек. Мы многое повидали и не раз смотрели в глаза смерти! Мы брались за дела, о которых другие и помыслить не могли! У нас есть репутация. У нас есть имя. За этих пассажиров... За этот груз нам хорошо заплатили. Мы взяли за него двойную цену. Каждый из вас получит по пятьдесят цейлонов – это хорошие деньги. Что останется от нашего имени, если мы не выполним своей работы. – Он помолчал. За бортом ревели волны, судно кренилось с одного бока на другой. Моряки вцепились в канаты, с трудом удерживались на палубе. Все они смотрели на капитана. Лица их были измождены и недовольны. – Мы не можем избавиться от груза, – продолжал капитан. – Мы должны сохранить его. Мы должны выполнить свою часть сделки. Это первое, и это главное. Главное, потому что речь о нашей чести. Теперь второе. Второе не такое важное, но тоже имеет значение. На кону наши жизни. Если мы не доставим груз. – Он сделал паузу. – Если мы не доставим груз, то нас очень жестоко накажут. Не только меня, поверьте на слово. Каждого найдут, где бы ни спрятался. Найдут и спустят с живых шкуру. Мы делаем работу для очень!.. Очень влиятельных вардов. Если хоть один волос упадет с кого-то из этих... из этих... – капитан показал пальцем вниз. – Поэтому! – теперь он поднял палец, и, заострив внимание, посмотрел на Амади. – Поэтому мы не станем больше спорить по пустякам, и не станем расстраивать нашего капитана. Который, поверьте, каждого из вас ценит и считает достойным, верным долгу, членом морского братства. Мы честно сделаем свою работу. Мы доставим наших пассажиров целыми и невредимыми. И мы будем приносить им еду. И мы будем приносить им воду. И если понадобится будем кормить и поить их с ложки. Мой старый друг, – вновь обратился он к Амади. – Я не хочу тебя просить в третий раз. Ты ведь знаешь, что бывает, когда я прошу об одном и том же трижды...

В прошлый раз воды в трюме было по колена, теперь она доставала ему до пояса. Было затхло и темно, пищали крысы, карабкаясь по стенам, или пытаясь удержаться, на болтающихся в воде пустых бочках. Нескольких из этих неугомонных тварей Амади поджарил факелом, но скоро пожалел об этом. Крыса упала в воду и поплыла прямо на обидчика. В панике Амади ударил ее факелом и огонь мгновенно погас. Проклиная всех богов, он успел сорвать лоскут намокшей ткани, факел начал тлеть, и долго не желал разгораться. Пришлось пробираться на ощупь.

Амади не рассчитал расстояние, и нечаянно дотронулся до решетки. Делать этого ему не хотелось. Стоило коснуться ржавых холодных прутьев, как по его пальцам скользнули чьи-то чужие – тонкие, с длинными острыми ногтями.

– Не трогайте меня! – вскрикнул он, и отдернулся. – Я ведь говорил, что нельзя! Ведь говорил! – Он сделал два шага назад, и, вцепившись в балку над головой, стал пристально вглядываться в темноту. Воспаленные глаза щипали и слезились. Глаза болели со дня отплытия. Недуг поразил уже треть команды, и ни у кого не было сомнений: заразу принесли проклятые, и излечиться можно, только избавившись от них.

Одна за другой стали сверкать молнии, их отблески проникали в открытый люк, освещая странные, похожие на детские силуэты по ту сторону решетки. Двое совсем рядом, а вон еще двое и еще... Всего шестеро. Амади осветил факелом. На первый взгляд казалось бы простые дети. Но Амади знал – все это только маски. Вся их безобидность, беспомощность обманчива. Проклятые могут принять любой облик. Многие видели. Рассказывали ужасное. Амади тоже рассказывал, и уже сам верил, что ему это не приснилось.

– Один, два... – посчитал он вслух. – И вон те еще... Все живы?.. Живы, – ответил сам себе. – Стойте где стоите! – прошептал Амади, когда не четкие фигуры начали двигаться. – Капитан волнуется за вас. Прислал меня узнать, все ли у вас хорошо.

– У нас не хорошо, – отозвался кто-то.

– Ну и ладно.

– Стой! – услышал он девичий окрик, когда собирался уходить.

– Я не хочу с вами разговаривать, – предупредил он. – Не хочу с вами спорить. Я не позволю вам больше высасывать мою душу. Капитан хотел, чтобы я спустился к вам. Я спустился. А теперь я иду обратно...

– Зачем ты затащил нас сюда? – раздался в темноте осуждающий мальчишеский голос. Знаешь, что мы сделаем с тобой за это?

– Вы сами во все виноваты, – ответил Амади шепотом. – Сидели бы спокойно, так нет, решили позлить бога. Из-за вас мы попали в шторм. Я помню какой ветер поднялся, как только вы появились на палубе. И в страшном сне не приснится. Не было б меня там – не поверил бы. Тот который знает гневается, когда видит вас. Сидите тихо. И не кричите, и не шепчитесь тут. Так всем спокойней. И вам так спокойней будет.

– Вода прибывает, – раздался в ответ сердитый девичий голос – резкий, как порыв ветра, острый как ребро битого стекла. – Скоро мы утонем. А потом и вы. Мурены растащат вас по норам и обглодают лица. Выпусти нас, и мы прекратим шторм.

– Прекратишь? – нет, – потряс головой Амади. – Ты можешь только его начать. Болезнями болезни не лечат. Вас надо держать подальше от света. Теперь-то мы знаем...

– Выпустите нас, – жалобно пропищал тонкий девичий голосок. Этот голос не был похож на прежний. Этот был мягкий и нежный; казалось, от него идут светлые теплые лучи. Он прозвучал так трогательно, что даже грубое сердце моряка сжалось от жалости. Но скоро он справился с сомнением, и, усмехнувшись, пригрозил пальцем.

– Я знаю! Знаю, что вы задумали...

– Мы ничего не задумали, – настаивал все тот же тонкий голос. – Мы не делали шторм. Зачем нам шторм? Я вот очень плохо плаваю...

– Сейчас же открой замок и засовы! – снова потребовал мальчик. – Я мог бы разорвать их одним только взглядом, но хочу чтобы это сделал ты. Мы думали убить вас всех, но одному из вас я все же решил оставить жизнь. Это будет твоя жизнь, если докажешь, что достоин ее.

– Ты мог бы... мог бы, – покачал головой Амади, – но ты не вырвешься. Наш духовник укрепил сталь божьим словом.

– Если меня не освободишь ты, это сделают другие, – не отставал мальчишка. – Ты так торопишься на тот свет? Ты не представляешь себе, как я буду мучить тех, кого сегодня заберу с собой в иной мир.

Амади будто задумался, но, набравшись решительности, выдохнул:

– Я пошел. Капитан просил – я сделал. А теперь я пошел.

– Мы утонем, – взмолилась девочка.

– А вы дышите жабрами, – предложил Амади, медленно пятясь. – Разве вы не можете дышать под водой, как рыбы?

– Когда-нибудь, я заставлю тебя дышать жабрами, – пригрозил раздосадованный мальчишка. – Здесь сыро и холодно. Возьми наверх хотя бы девчонок. У них жар, у Мии от соленой воды разбухли ноги. Если боишься, что их увидит Тот который знает, накрой их чем-нибудь. Подумай, я все еще могу пощадить тебя.

– Он не выпустит нас, – ответила ему девочка с сердитым голосом. – Можешь не стараться. Свои же накажут его за это. Толстый глупый трусливый пьяница. Когда я выберусь отсюда, расскажу всем, как ты убил из-за наследства отца, а потом и родную сестру. А-аа... смотрите на него, теперь ему по-настоящему страшно. Думаешь, я не знаю? Ты полгода ходил

по грязным аккарейским притонам и искал наемных убийц, чтобы они сделали для тебя эту черную работу. Душегубы просили по тридцать цейлонов за жертву, а ты готов был заплатить только десять. Весь город смеялся над твоей жадностью. Даже нищие попрошайки плевали тебе в след. И в конце концов ты решил, что тратиться не стоит: решил, что и сам со всем справишься. Помнишь ту ночь?..

– Высасывают! – прошептал Амади, хватаясь за голову. – Высасывают мою душу. А ведь я сразу сказал... Сразу сказал, что мне сюда нельзя...

– Я прощаю тебе убийство отца, – повелительно сказал мальчишка. – Я забуду про то, как ты поступил со своей сестрой. Но ведь ты знаешь, чем должен отплатить.

– Я не могу, – произнес Амади, всхлипывая.

– Посмотри на меня, – приказал мальчишка.

Нерешительно, борясь с самим собой, Амади приподнял тлеющий факел. Мальчишка смотрел на него исподлобья. Сейчас Амади казалось, что в жизни он еще не видел лица страшнее. Глаза проклятого искрились в темноте, и вспыхивали при каждом отблеске молний.

– Я вижу будущее, ты ведь уже убедился в этом, – сказал он. – В преисподней ты навечно будешь болтаться в петле. Тело твое распухнет, язык станет синим и вывалится изо рта. Руки начнут гнить, отваливаться, и расти заново. Красные гусеницы объедят твои уши. Мухи облепят и высосут твои глаза. А потом в глазницах поселятся два жирных паука. Спаси свою душу Амади. Еще можно спасти. Выпускай нас сейчас же, слышишь?! Даже хуже будет, если не выпустишь. И сестру! И отца твоего! – все тебе припомнят!

От последних слов Амади передернуло.

– Высасывают, – вновь простонал он, хватая себя за волосы на голове. – Душу мою... Душу высасывают...

– Стой! Стой! – закричала девочка, но было уже поздно. Оглядываясь, всхлипывая и причитая, он мчался к выходу – испуганный, большой, похожий на моржа, спасающегося от акул на мелководье. – Не уходи! – слышал он позади себя, и только прибавлял скорости. – Ты должен нас выпустить! Ты все не так понял! Мы поможем тебе спастись. Мы друзья тебе! Только не уходи!.. Про сестру мы не хотели... Твои секреты останутся с тобой, только выпусти!..

Амади вылетел на палубу, и высокая волна тут же сбила его с ног и швырнула к борту. Он был уверен, что смерть настигнет его немедленно. Даже подумал, что уже умер, но боль в левой руке отрезвила сознание. Видимо душа, вылетая из тела, сумела ухватиться именно за эту руку, и, судя по боли, именно по ней вернулась обратно. «Зачем? – подумал Амади устало. – Все равно ведь утонем. Где она земля? Нет земли. Хавий Рог! Ты и все твои потомки – горите в преисподней вечно!.. Я говорил. Сколько раз я предупреждал тебя словом и взглядом: нельзя брать на борт проклятых!..»

Амади поднял полные мольбы глаза к небу, и только сейчас заметил, что с тех пор, как обреченно спустился в трюм, как в само чрево Тритона, во внешнем мире многое изменилось. Станный свет пронизывал все вокруг, вырывая из темноты согбенные фигуры моряков, серые мокрые паруса и блестящие мачты. Показалось будто солнце – рыжее, сонное, какое оно бывает в вечернем тумане, вынырнуло откуда-то из глубины моря, и теперь бледным мерцающим заревом освещает корабль и небо над ним.

Но это было не солнце. Когда Амади приподнял голову над бортом, то увидел тянущуюся слева плавающую береговую линию – вспыхивающую тысячами факелов, и будто шипящую при этом. Поразились огромным, божественным, светящимся изнутри домам, сверкающим стенам, играющим дивным светом сторожевым башням.

– Сатха, – прошептал Амади. – Мать всех морей простила нас. Спасены! Спасены! – В благодарном порыве, он упал на колени и принялся целовать гнилые палубные доски, скользя по ним руками и сербая соленую пенную воду. – Новый город! Мы добрались до Нового

города! – повторял он снова и снова, чтобы услышать себя и убедиться, что это не сон. Страх, который владел им так долго, сменился радостью, но как все ценное и долгожданное в жизни, она была не долгой спутницей. Страх и отчаяние вернулись к Амади, как только он вновь взглянул на Землю. Шхуна не шла к спасительному порту, она двигалась параллельно берегу, все больше и больше забирая обратно в море, в бездонную клокочущую пасть самого Тритона.

Оглянувшись, Амади увидел мрачные, играющие черными тенями лица моряков, их зловещие взгляды и плотно сжатые челюсти. Похоже, последнее решение капитана не встретило понимания среди морских братьев. И тем не менее на открытое противостояние, на бунт до сих пор никто не решился. Самого Хавия Рога, казалось, в последнюю очередь волнует, кем эти трусы себя возомнили, и чего они хотят. Он должен был продемонстрировать силу, и пока что эта демонстрация у него получалась. Стоя на капитанском мостике, самоуверенный, непреклонный он смотрел в непроглядную тьму Бескрайнего моря, и давал тихие команды рулевому.

– Капитан! Хавий Рог! Что здесь творится?! – с неожиданной для себя смелостью, крикнул Амади. – Вон же город! – махнул он рукой. – Почему мы не плывем к городу?! Порт в другой стороне – капитан! Брат наш, ты ошибся!

Капитан медленно повернулся и нашел Амади взглядом.

– Ты что ослеп? – мрачно произнес он. – Город горит. Мы не можем причалить. Тарийцы уже здесь.

– Тарийцы? – не понял Амади, оглянулся на моряков и, почувствовав поддержку, нашел силы продолжать: – Но и что? Что с того что здесь тарийцы?! Да пусть хоть сам рыжий Тритон – выбора нет?! Мы тонем, капитан. Там берег, там жизнь! Нельзя снова идти в море! Сколько раз еще Сатха взглянет на небо, прежде чем ее накроет последней волной. Не уж то проклятые и в самом деле так задурманили тебе голову?!

– Правильно Амади! – поддержали морские братья, собираясь за его спиной. – Надо править к причалам. Что нам сделают тарийцы? Отдадим, все что есть в трюмах, и отпустят. Все ж лучше, чем кормить крабов на дне!

– Правильно!

– Правильно, говорит Амади! – поддерживали его со всех сторон.

– Правь и дальше вдоль берега, – приказал капитан рулевому. Какое-то время он еще смотрел в темноту моря, но команда не расходилась, и тогда, будто удивляясь чему-то, он повернулся к людям, разглядывая каждого с молчаливым осуждением.

– Ты не можешь так поступить с нами! – снова подал голос Амади! – Это наши жизни! Кто ты, чтобы забрать их – бог?! Ты один хочешь плыть дальше! Это наш шанс подойти к берегу – другого не будет. Не решай за всех. Это не по нашим законам.

– Тарийцы сразу прикончат нас, – ответил капитан. – И плевали они на все наши законы.

– Это не правда!

– Это не правда! – загалдели все и сразу. – Мы откупимся!

– Мы откупимся, и нас отпустят!

– Чем же вы откупитесь? – спросил Хавий.

– Мы отдадим им проклятых!

– Мы отдадим им проклятых! – подержали остальные.

– Именно так мы и поступим, – сказал Амади. – Мы отдадим детей Тритона тарийцам. Расскажем, кому мы их везем и отдадим. И за это нас пощадят. Для тарийцев это будет настоящий подарок. Если проклятые так нужны их врагам, значит и им пригодятся.

– Вы овцы! – прорычал Хавий Рог. – Безмозглые, бессмысленно блеющие овцы! Вы блеете в ответ на волчий вой. И скоро наблеете себе беду! Мы обойдем Новый город, и причалим дальше. И других шансов спастись у нас нет. С кем договариваться? Тарийцы – кучка нищих разбойников. Кого и когда они щадили? После их набегов остается лишь пепел и того никто не видел, потому что его разносит ветром. Они не щадят ни детей ни стариков, оставляют лишь

женщин. Что они сделают с командой глупых трусливых моряков. Все инородцы для них враги. На что вы надеетесь? На то, что напялите юбки, и вас по ошибке возьмут в наложницы?

– Там, у нас хотя бы есть шанс! – возразил Амади. – Трюмы полны! Вода прибывает с каждой секундой, и мы ничего не можем с этим поделать. Мы тонем, капитан!

– Верьте мне! – значительно произнес капитан. – Я знаю, что я делаю.

Но увы, в тоне капитана больше не было прежней уверенности. Голос потерял свою магию и силу.

– Старик обезумел! – крикнул из тени кто-то слева от Амади.

– Хватайте его! – крикнули справа.

В считанные секунды черные тени вскарабкались на капитанский мостик и навалились гурьбой на капитана, на того самого Хавия-бога, Хавия-демона, на которого вчера еще боялись смотреть косо, даже стоя за спиной. Вцепились в руки и ноги, не давая вырваться. Хавий пытался вытащить из ножен клинок, но ничего не вышло.

Амади и хотел и боялся, что его позовут. Поэтому, когда услышал свое имя, и когда поднимался по ступеням, и когда стоял перед униженным, склоненным перед ним капитаном, все еще не знал, как поступит.

– Бери его клинок, Амади, – подбадривали братья. – Теперь ты наш капитан.

– Не тяни время! – торопили они, видя его нерешительность. – Бери власть, пока еще есть что брать.

Амади потянул за рукоять, но через мгновение сунул его обратно.

– Нет, – выдохнул он, потупив взгляд. – Отпустите его. Отпустите! – приказал громче, и сам расцепил чьи-то пальцы. – Первый бунт самый трудный. А потом их нельзя остановить. Все это уже было. Я слишком стар для всего этого.

И Амади не лукавил. Трусость, которую сам он считал врожденной осторожностью, не раз спасала ему жизнь. В горячей юности он пережил не мало бунтов, но случай всегда отводил его в сторону и оттеснял на вторые роли. И он никогда об этом не жалел. Судьбам смельчаков, посягнувшим на власть не позавидуешь. Тот, кто ломает старые правила, придумывает новые, но эти новые никогда не приживутся. И те, кто возвеличили тебя этим вечером, очень может быть низвергнут тебя уже следующим утром.

Решение Амади было странным, но это было его решением, и так как другого кандидата на горячее место пока не предвиделось, морские братья ослабили хватку. Хавий, наконец, смог высвободиться. Он вновь попробовал выхватить клинок, но Амади снова положил руку на рукоять и не дал этого сделать.

– Видишь брат, мы передумали, – примирительно произнес он. – Мы отпустили тебя. Потому что бунты, это не хорошо. Потому что бунты, это не по закону. Передумай и ты брат. Давай к берегу. Сделай, как хотят все. Сделай по закону.

Лицо Хавия залило краской. Он все еще был зол и нервозен, но быстро справился с этим состоянием. За долгие годы капитанства он научился принимать срочные и трудные решения. И сейчас требовалось принять, как раз одно из таких. Переступить через гордость, забыть про обиды – подчиниться чужой воле.

Какое-то время, молча качая головой, он разглядывал лица бунтовщиков; задержал взгляд на Амади, не спеша повернулся к застывшему в ожидании рулевому, и, после некоторого раздумья, еле заметно кивнул. Рулевой кивнул в ответ, и, вцепившись в громоздкое рулевое колесо, с усилием потянул влево, к берегу.

Глава 2

Леман прижался к земле, стиснул зубы, и, впечатал Грэя лицом в грязь. Затем он бесшумно вытянул из ножен короткий клинок, и угрожающе воткнул в землю, прямо перед лицом несчастного. Вот только все это было бесполезно – даже перед угрозой смерти, Грэй никак не мог уюмонить свой кашель. Дышать становилось все труднее – рот набился травой и трухой из пня, изъеденного древесными жуками.

На этот раз интуиция подвела опытного стрелка. Пень казался надежным, как скованные минойской сталью ворота Харпы. «Уачная позиция для лучника, – думал он, – все как на ладони. Пень скроет от дозорных, из-за него можно стрелять с колена, а если что и укрыться от чужих стрел; дерево защитит лучше любых доспехов» и вдруг, такое предательство: один неосторожный вдох и вот Грэй трепыхается на земле, булькая и елозя по ней исцарапанным бордовым лицом.

Ему казалось, что вместе с древесной пылью проглотил и жука, а может и целый десяток; он чувствовал, как колючие мохнатые лапки раздирают горло, въедаются в плоть и пробираются в легкие.

Конское ржание раздалось совсем близко, стук подков почти затих: кони сошли с усыпанной дробленным камнем тропы, трава и мягкая земля приглушали их шаги; всадники пустились вверх по склону, чтоб оглядеть окрестности с возвышенности.– Заткнись! Заткнись! – скрипнув зубами, требовательно прошептал Грэю десятник Тимох. Как змея, почти не шевеля лопухов и жгучих крапивных зарослей, подполз с другой стороны, и, схватив задыхающегося Грэя за ухо, стал помогать эрлу Леману прижимать его к земле. – Или ты заткнешься, или я разобью тебе голову, – пригрозил он. Глаза Тимоха налились кровью, он с силой сжал рукоять топора, замахаясь, взглянул на Лемана, но тот отрицательно покачал головой.

С трудом сдерживая кашель, Грэй забулькал с новой силой. Леман гневно стукнул кулаком по земле, потом отнял у десятника топор и опустил на голову Грэя тупым концом. Лучник застонал, но не отключился. Леману пришлось повторить. На это раз он приложился основательно, даже слишком; тело Грэя затряслось, хрип и кашель прекратились, по щеке стекла струйка крови, и не было ясно мертв он или только оглушен.

– Что это было? – услышал Леман над головой встревоженный голос забравшегося на бугор дозорного. Их было трое. Сквозь стебли и листья крапивы мелькали темные силуэты. Ни доспехов, ни шлемов на всадниках не было. Одеты они были, как простолюдины и спешившись легко могли затеряться в толпе горожан на рынках или в пивных. Разведывая местность впереди отряда, им приходилось взбираться на холмы, продираться сквозь болота и чащи леса, и это еще одна причина по которой они не брали с собой мечей и не носили под одеждой кольчуги.

Выигрывая спасительные сантиметры, Леман прижался лицом к изломанной, режущей щеку траве; подобно играющему в прятки ребенку прищурил глаза и задержал дыхание. Прямо перед ним морщилось изъеденное оспой лицо Тимоха. Он жмурился, подражая советнику, и Леману показалось это забавным, он вспомнил, как спорил с владыкой о свойственной каждому рабской привычке угождать хозяевам. Вспомнил, и сразу забыл, потому что снова услышал тревожный голос.

– Я ничего не слышал, – ответил второй дозорный и, прислушиваясь, остановил коня. – Вороны? – спросил он, поднялся на стремени, и, вытягивая шею, вгляделся вдаль. Будто в подтверждение сказанному, в лесной чаще с той стороны дороги затрещали ветки, продираясь черными крыльями сквозь зелень листвы в небо вспорхнула стая крикливых ворон, наполняя его безупречную молчаливую голубизну противным карканьем.

– Кто-то их спугнул, – подчеркнуто тревожно сказал первый всадник. – Здесь ходят голодные. Я не говорил тебе: я не хотел тебя пугать. Но они здесь точно есть. Я слышал их ночью. Кто-то бродил вокруг лагеря и жалобно стонал. Огра послал разведчиков Мирона, и они видели следы.

– И все?

– Много следов... Два дня назад Мирон видел как девочка гналась за лосихой. Лосиха переплыла через реку, но девочка все равно догнала ее, обхватила шею руками и загрызла. Загрызла насмерть, будто это не дикая лосиха, а кролик какой-то...

– Да даже если и кролик... – задумчиво, произнес его спутник. – Может, обычная, просто очень сильная, и очень голодная девочка?

– О-о-очень сильная... О-о-очень голодная...

– Ты обманываешь меня Тиан, – сказал он с упреком.

– Кирс, малыш, зачем мне это? Спроси у Харона, он видел обглоданные человеческие кости. Харон! – крикну он. – Харон, проглоти тебя беззубый ящер!

– Да-да! – отозвался хриплый голос откуда-то издали.

– Вот видишь, Харон врать не станет! В Новом городе о голодных только и говорили. Торговка на рынке рассказывала: голодные спустились с западных гор. В город они не заходят, но каждую ночь нападают на фермеров. Их сотни, а может и тысячи. Голодные не убивают сразу. Говорят, они безумны, но это не так. Они месяцы будут водить тебя за собой по Черному лесу, и сосать кровь из жил на ногах. Они кормят пленных человеческой кожей, ведь кожу они не любят, а когда еда кончается, они прогрызают им темя и высасывают мозг. Человек живет еще неделю, а его тем временем едят... по кусочкам... Сначала руки... потом...

– О боги, Тиан, прекрати! – взмолился Кирс. – Зачем ты это делаешь?! Знаешь ведь, я итак не сплю ночами! Я плачу тебе, чтоб и ты не спал, когда я выступаю на дежурства, чего еще ты хочешь?

– Ничего, просто мы друзья, и я хотел предупредить.

– Проклятый лес! – выругался Кирс, дернул поводья и, повернув коня, поскакал обратно к дороге.

Двое других всадников, посмеиваясь над ним, отправились следом.

– Мальчишка слишком доверчив, – сказал Харон, хлопая по взмыленной шее черную, с белыми пятнами на крупе кобылу. – Но клянусь отцами самых старых богов, я действительно видел кости и слышал рассказы фермеров.

– Я не Кирс, – ответил ему Тиан, – и мне можешь не рассказывать. – Он сжал конские бока ногами, и, щелкнув плетью, пустил утомленного скакуна вскачь. Догнав Кирса, что-то сказал ему, потом крикнул Харону:

– Езжайте до реки! До нее кругов семь, не больше, я скажу Огре, чтоб они выдвигались и догоню вас!

– Кирс! – не спеша, направляясь к ним, крикнул Харон. – Видишь вон ту дубраву с желтыми кустами – проверь ка ее! Там точно найдешь парочку голодных!

Всадник испуганно посмотрел в ту сторону, вздрогнул и раздраженно изрек:

– Провались ты в пекло, к рыжему Тритону! А я с дороги больше не сойду!

Харон рассмеялся, потом махнул рукой, чтобы тот следовал за ним, и скоро все трое скрылись из виду.

Леман облегченно выдохнул, Грэй задвигался и снова начал кашлять.

– Нет, я все-таки прирежу эту свинью, – пригрозил Тимох.

– Пусть откашляется, пока они далеко, – сказа Леман, потом погладил желвак на голове Грэя. – Больно? Запомни, в другой раз будет больней.

– Будто под лед провалился эрл Леман, – прошептал Грэй, сплевывая на траву перед собой. – У меня было видение. На дне Черной заводи я видел мертвых и разговаривал с ними.

– И что же они сказали? – с недоверием спросил Леман.

– Они сказали, что будет война.

– После мира всегда приходит война, – сказал Тимох. – Тут пророком быть не надо. От живых ничего умного не дождешься, а о мертвых я вообще молчу.

– Нагая богиня Эллара просила меня бросить жену, – пригладив волосы на голове, а потом с непониманием разглядывая кровь на пальцах, произнес Грэй. – А голос прямо, как у нее. Она соблазняла меня.

– Но ведь ты не поддался? – с усмешкой спросил Леман.

В пяти шагах из кустов раздалось сразу несколько смеющихся голосов.

– А ну тихо! – прорычал Тимох.

– Кто там смеется?! – обернувшись, грозно изрек Грэй.

Над их головами просвистела длинная оперенная черно-белыми перьями стрела, и с гулким стуком воткнулась в толстую дубовую ветвь. Такие стрелы были только у Сирола одноглазого и его младшего сына Марка. Та же как и отец он потерял глаз в раннем детстве, что не помешало ни первому ни второму стать одними из лучших стрелков Диких земель. Стрела Сирола последняя из трех, пущенных по сигнальной эстафете.

– Едут, – интонацией выдающей возбуждение, какое часто случается перед неизбежной кровавой схваткой, произнес Леман. Грэй и Тимох, не сговариваясь, подняли правые руки ладонями к солнцу и прошептали короткую молитву «Тому который знает» – богу света, который хмурится людям, когда карает их, и улыбается, когда хочет спасти. Леман не верил в богов, и удачу считал исключительно делом рук человеческих, поэтому приподнялся на корточки и еще раз окинул взглядом весь склон, раздумывая, все ли он учел, и что можно еще успеть исправить.

Пятнадцать лучников прятались в кустах за серыми камнями по левую руку от него. Столько же было справа в дубраве, которую не стали осматривать дозорные. Пять человек и в том числе Сирол одноглазый будут стрелять с тянущихся в сотне метров от дороги скал, но тяжелее всех будет пятерке засевшей в осиннике у самой дороги. Их задача выманить на себя едущих вначале колонны конников, и если удастся, пехоту. В помощь им семнадцать латников из личной охраны Лемана.

Больше двух часов погребенные под дерном и песком, одетые в тяжелые доспехи войны томятся в тягостном ожидании. Леман представил, как затекли их члены, и ему самому захотелось размять свои ноги и плечи; он даже вознамерился встать, но вовремя заметил скачущих во главе колонны всадников и прильнул к земле.

Черной змеей колонна потянулась из Сыпучего ущелья. Гремели доспехи, ржали лошади, скрипели телеги, доверху груженные захваченным добром. Почти неделю рыцари под тарийскими знаменами грабили северную окраину Харпы. Перебиты два приграничных гарнизона, захвачен и разграблен Новый город, сожжены десятки селений. Это всего лишь пятая часть тарийского войска, четыре других отряда успели скрыться за границей союзнической Харпе Схалы.

Смысл этого набега оставался Леману не ясным. Харпа не по зубам обескровленной междоусобными войнами Таре: реакция харпского владыки будет жесткой и долго себя ждать не заставит. «Если пропившие последние мозги тарийские эрлы затеяли войну, то почему не пошли дальше? – спрашивал себя Леман. – Почему так поспешно отступили? И главное, как Схала, союзник, который обязан оберегать южную границу Харпы, пропустила через себя грабителей, не оказав ни малейшего сопротивления? Схала затеяла опасную игру: без Ротриков здесь не обошлось».

Ротрики – правящая династия Схалы, их герб десятилапый паук, когда-то красовался на флаге Пятигорья. Сегодня, бывшие провинции стали отдельными Мирами, но память о былом величии рода, никогда не давала Ротрикам покоя. Талин Ротрик – хитрый, цепкий паук крепко держался за трон, раскидывая сеть интриг от непролазных Серых гор до берегов Бескрайнего моря».

Леман так и не увидел хвоста колонны, но когда из-за поворота показалась сбившаяся в кучу толпа пленных женщин, понял, что главные силы вражеского отряда уже угодили в приготовленную для них ловушку.

– Полсотни конников, – сосредоточенно вглядываясь вниз, объявил Тимох, – семьдесят пехотинцев, и лучники. Всего сотни полторы, может и больше...

– Чем больше тем, лучше, – уверенно, с металлом в голосе, произнес Леман. – Затыкайте бутылку.

Грэй только ждал приказа, тетива его легкого лука была натянута до предела, изогнутое, перетянутое жилами древко напоминало улыбку; через секунду лук выпрямился, издав фыркающий звук, и возглавляющий колонну тарийский всадник, схватившись за пронзенное стрелой горло, повалился с коня. И почти одновременно, с высоких скал, из кустарников мелколосья и густой темноты дубравы вылетело еще сорок стрел. Поверженные конники падали на землю. Уцелевшие подались назад, самые решительные, пытаясь вырваться из капкана, устремились вперед, но сверху посыпались камни и испуганные лошади, понесли обратно. Пробриться через пустырь тоже не получилось: земля под лошадьми стала проваливаться, и всадники летели вниз натываясь на поджидющие внизу копыта.

Стрелы с протяжным свистом летели со всех сторон, и укрыться от них было негде. Пехотинцы прятались за телегами, заползали за камни, и сбивались в кучу, подставляя друг друга, но это не помогало, смерть находила везде. Лучники даже не пытались отстреливаться, они отлично понимали, позиция их проигрышная, подними голову и стрела, впившаяся в глаз навсегда оставит его открытым.

По всей дороге, корчась от боли, стонали и бились в агонии поверженные войны. Минойская сталь наконецников пробивала кольчугу, а опытный лучник с небольшого расстояния мог проткнуть тарийские латы.

За первую минуту боя тарийцы потеряли половину своих людей, но несколько опытных десятников, наконец, сообразив, что к чему, послали пехотинцев к осиннику, в надежде выбить оттуда лучников и обезопасить свой левый фланг, но и здесь их ждала неудача. Поджидющие в засаде латники, не потеряв ни одного человека, в считанные секунды расправились с посланным отрядом.

Сопrotивляться дальше было бесполезно, но тарийцы дрались до последнего война, и дело здесь вовсе не в храбрости: все они отлично понимали, что эта карательная вылазка в глазах харпийцев лишила их воинской чести, и просить о пощаде бессмысленно.

Глава 3

Пленных не брали. Грэй и Тимох специально задержали Лемана наверху. Они предлагали вторгнуться на территорию Схалы и устроить еще одну засаду. Леман долго объяснял старым, но не утратившим боевого пыла воикам почему это не возможно, а когда спустился к обозам, понял что верные подданные просто водили его за нос. Он не увидел ни одного живого тарийца, не услышал просьб живых, и стонов раненых. Войны дикой долины знали своего эрла, и поспешили расправиться с пленниками до того как благородный Леман начнет отпускать врагов направо и налево.

Знали и то, что он на них рассердится, поэтому старались не попасть под горячую руку, и под разными предлогами уходили в сторону, стоило только эрлу приблизиться.

– Тимох, ты мне нужен! – позвал он десятника, но тот обещал подойти, как только покажет этим юнцам, как надо сбивать с пленников цепи, и скрылся с глаз.

– Карэн, мой друг, иди-ка сюда! – позвал он молодого длинноволосого лучника. Отличительной чертой профессиональных лучников были не пропорционально развитые руки и плечи, он же в своей асимметрии превзошел всех. Говорили, что Гирам сапожник скроил Карэна из опоенного им молотобойца – и изгнанной из зенойского гарема наложницы. Карэн сказал, эрлу Леману, что у молчаливого Паттана глубокая рана на спине, и он спешит разжечь огонь, чтоб прижечь ее. Не успел он скрыться, как Леман позвал Эльдара. Эльдар, сказал, что Карэн просил помочь ему с костром, и убежал следом. Дарк умчался искать свою лошадь, а Сигул и вовсе ничего не смог придумать, просто крикнул кому-то невидимому на горе «А ну стой!», и, выхватив меч, покарабкался вверх.

Леман шел вдоль бесконечных телег, переступая через трупы и разглядывая освобожденных женщин и девушек, прячущихся в тени скал от жаркого полуденного солнца. С не меньшим интересом и они разглядывали его. Не смотря на то, что одет он был как обычный воин, в черные кожаные штаны и серебристую кольчужную накидку, многие угадывали в нем хозяйина Диких земель. От непокоренных Серых гор, до крутых берегов Бескрайнего моря моря не встретить мужчины более статного и красивого.

Леману тридцать, эрлом он стал в восемнадцать, сразу после смерти владыки Харпы Элинора. Сын владыки Эмистан сел на золотой трон Харпы в двадцать два, и первым указом назначил себе шестерых советников, среди которых был и его верный друг и соратник Леман Таурон. Не имея ни знатной фамилии ни титула на удивление и зависть родовитых вардов Леман был назначен хранителем Диких земель. И со свойственным ему азартом, с первых дней правления, погрузился в бесконечные реформы и эксперименты.

Половину доходов уходила в казну Харпы, другая тратилась на развитие экономики, содержание армии, а с недавних пор школ и больниц Диких земель. Войско Диких земель одно из самых маленьких, всего три тысячи человек, однако и его потребности обходилось не дешево, и Леман неустанно уговаривал Эмистана взять эти расходы на себя, тем более, что большая часть его маленькой армии несла свою службу непосредственно в Харпе.

За счет казны Леман имел право выстроить себе новый замок, который мог бы передать своим потомкам, вместе с титулом и пятью процентами получаемых с Диких земель доходов. Однако, замки его интересовали мало, денег на себя почти не тратил, за исключением пожалуй, чрезмерно частой смены гардероба, и детьми он обзаводиться не торопился, так что все эти привилегии, по большому счету были ему не нужны.

Что-то тревожило Лемана. Он что-то искал, заглядывал в крытые повозки, ворошил кучи тряпок в телегах, сдвигал мешки с награбленным барахлом, но того что искал не находил.

В тени среди растрепанных, изможденных пленниц Леман увидел одноглазого Марка. Девочка с заплаканными глазами, ей было лет десять-одиннадцать, обнимала его с боку за талию, сам же Марк сжимал в объятиях невысокую в изорванной одежде и опухшим от побоев лицом женщину.

Леман вспомнил, что дочь и жену Марка схватили еще в первый день. Их и большую часть женщин его деревни забрали прямо с поля, где они скирдовали солому на зиму.

«Большая удача, что Марк нашел их, Элту и Кабишу повезло куда меньше, – подумал он, отводя взгляд от лучника и его семьи. Двинулся дальше по ущелью. – Как изуродовали они ее лицо, – не выходило у него из головы. – Беззубый Тритон с ними, с этими тарийцами. Это наше право на месть. Зря я накинулся на них. Прикончили раненых и правильно. Страшно подумать, что пережили эти женщины за пять долгих дней...»

Вдруг Леман остановился. То что искал было перед ним. Наконец, за долгие годы, он воочию увидел то, в чем бесконечно сомневался, и на что бесконечно надеялся.

Справившись с внезапной оторопью, он не спеша, но уверенно подошел к оставленной на обочине повозке. Передняя часть повозки и крыша обшиты досками, середину и заднюю часть стягивал каркас из стальных прутьев. На маленькой, в пол его роста двери, болтался массивный навесной замок. В самой клетке кто-то был. Леман подошел ближе и увидел томящихся в ней пленников, это были дети.

Всего их было шестеро: три девочки и три мальчика. Самой младшей из девочек, голубоглазой, с растрепанными локонами светлых вьющихся волос лет восемь, двум другим, темноволосой с черными узкими арпийскими глазами, и третьей бритоголовой с красивым лицом и кофейным цветом кожи, лет по десять. Мальчики были того же возраста, двое из них были из племени горцев, их выдавали теплые шерстяные штаны и жаркие меховые накидки. Третий, который показался Леману старше других, сидел к нему спиной, на нем одета широкая, с чужого плеча рубашка, и изорванные штаны.

Сидели они прямо на дощатом прогнившем от сырости полу, не переглядывались и не разговаривали друг с другом. Дети разных народов, как брошенные в одну яму дикие коты, не смотря на дни, проведенные вместе, они все еще относились друг к другу с опаской, и даже с враждебностью.

Леман обошел клетку стал с другой стороны, подергал ржавый металлический прут, и снова взглянул на самого старшего из детей. Теперь он был к нему лицом, и эрл ждал, что он посмотрит на него, но тот не проявлял к хозяину Диких земель никакого интереса. Другие же дети, не поворачивая голов, неустанно следи за ним глазами.

Эрл Леман! – окликнул его кто-то из воинов. – Осторожнее с этими дикими! Разные слухи ходят. Вы слышали про голодных? Может быть они уже обращенные!

Леман узнал голос Сирол одноглазого, и оглянулся.

– Ведьмы ушли в горы, ловили и ели диких козлов, – продолжал Сирол, – а потом понесли детей от их мертвых духов. Появились грибусы, а от них пошли голодные. Теперь вся эта нечисть валит с гор! Святой Габриэл обещал Последний дождь уже этой зимой.

– Вздернуть бы твоего Габриэла, – огрызнулся Леман.

– Не говорите так эрл! Духовные отцы предупреждали, что смерть придет к нам через детей Тритона. Тарийцы звери, но не дураки, подумайте, зачем сажать детей в клетку? Посмотрите на них, это очень странные дети, не выпускайте их.

– А ты глупее, чем я думал, – с упреком бросил Леман. – Меньше бы слушал разные байки. Ты сын просвещенной Харпы, и до сих пор не научился читать. Кабачные сплетни и проповеди духовных отцов не лучший способ получения знаний. Темные люди Сирол, страшное оружие в руках хитрецов и разбойников...

– Я пробовал однажды читать, у меня не получилось.

Леман усмехнулся, показал на решетчатую дверь. – Мне надо сбить замок, принеси мне молот.

– Эрл Леман, народ Диких земель видел такое чего вам и не снилось! Послушайте стариков. Они расскажут вам...

Леман отмахнулся, давая понять, что разговор окончен, потом обратился к детям:

– Кто вы такие? – на вопрос никто не ответил, поэтому пришлось повторить строже: – Откуда вас привезли?

– Харла манагай кху... – хмуря брови, прорычала девочка арпийка, награждая его холодным надменным взглядом.

– Как? – не расслышал Леман.

– Хара манагай арука ррр... – повторила она что-то на своем и протянула к нему руку.

– Она хочет пить, – произнес мальчик, который до сих пор не обращал на Лемана внимания. На этот раз он поднял взгляд и посмотрел на эрла с нескрываемой неприязнью.

Леман снял с пояса мех с водой, и, протянув руку между прутьями, передал девочке. Она обхватила булькающий, покрытый испариной кожаный сосуд руками, вытянула зубами пробку, и, подняв его, приложила губами к горлышку; пила жадно, большими глотками, проливая тонкие струйки на подбородок и шею.

Другие дети с ожиданием смотрели на нее, но арпийка не собиралась ни с кем делиться, опустошив почти весь мех, она снова заткнула его пробкой и, поджав ноги, спрятала между ляжками и животом.

– Вот как, – с удивлением произнес Леман, когда понял, что его мех нашел себе нового хозяина. – Сейчас мы собьем замок, дадим вам пить, накормим, и подыщем что-нибудь подходящее из одежды. Можешь им перевести? – спросил он все у того же неразговорчивого мальчика.

– Они вас поняли, – ответил он.

Светловолосая, самая маленькая из девочек наклонилась в сторону арапийки и прошептала ей что-то на непонятном языке.

– Аграбар марак, – громко ответила ей та.

– Нет, эта белобрысая не арапийка, – прежде чем Леман спросил, ответил мальчик. – Ее зовут Эльза, ее привезли из страны Голубых озер, она знает сто языков.

– Нет больше, – тихим голосом, почти шепотом, с обидой произнесла белокурая. Не выдержав внимательного взгляда эрла, она опустила глаза, и добавила: – Я знаю все языки.

Леман обрадовался тому, что хоть кто-то из детей понимает его. Он улыбнулся девочке, потом хитро прищурился и потянулся правой рукой к рукояти меча. Это бы не простой меч, владыка Калхалы подарил его Леману по совету своей любимой жены Эйнар. Тогда Леман посетил множество Миров Затерянных гор. Он шел по следам древних кочующих мерийских племен. У Эйнар остались прекрасные воспоминания о проведенных с Леманом ночах, а Леман оставил себе меч и секрет Алата – минойской стали. В подвалах сожженной библиотеки Калхалы, под толстым столетним слоем пыли он нашел нужные ему книги.

Меч подаренный Эйнар был пожалуй единственной вещью, к которой Леман был по настоящему привязан. Меч для избранных, для воинов победивших превосходящего по силе врага, о чем и гласила, будто просвечивающаяся сквозь золотистое полотно, надпись.

– Она знает все языки, но читает не на всех, – будто, угадав намерения эрла, произнес мальчик.

Леман вытянул наполовину меч из ножен, потом рассмеялся находчивости мальчика и сунул меч обратно.

– Я читаю не на всех языках, – виновато пропищала Эльза, – но надпись на вашем мече эртукийская. На нем написано: «льву льва убившему вручаю...» Дальше я не увидела, покажите еще раз, и я прочитаю полностью.

Леман изменился в лице. Он хотел спросить девочку, кто научил ее языку народа, который исчез пять столетий назад, и с какой целью, но мальчик опередил его.

– Никто не учил ее языку народа, который вымер пять веков назад, – озвучил он слово в слово его мысль, и в первый раз улыбнулся, радуясь удивлению отразившемуся на лице и в глазах эрла.

– Ты читаешь мысли? – спросил Леман.

– Нет, мысли читает она, – сказал мальчик и показал пальцем на темнокожую девочку с бритой головой, – а я всего лишь вижу будущее, и иногда изменяю его.

– Беззубый ящер меня заberi! – услышал Леман у себя за спиной, и оглянулся. Позади него стоял перепуганный Сирол, и, трясущейся рукой направляя молот в сторону клетки, начал твердить: – Ведьмы и колдуны, дети Тритона... Слуги мертвых, порождение мрака! Я предупреждал вас эрл Леман! Я предупреждал! Тьма! Тьма явилась по наши души!.. – Единственный глаз Сирола жил своей жизнью и от страха, казалось, вот-вот выскочит из орбиты.

Эрл подошел к лучнику, и, склоняясь над его ухом, чтоб больше никто не услышал, прошептал:

– Закрой рот!

– Слуги мертвых, эрл Леман! Это уже не дети, это кара ниспосланная на все Пятигорье!

Леман схватил его за грудки, и, сотрясая, в надежде, что тот придет в себя, снова потребовал замолчать.

– Убить! Убить! – не слушая его, закричал Сирол. – Мы еще успеем!

Дикие земли, полны суеверий и страхов перед неизвестным. И Леман знал, что страх даже овцу может заставить кинуться на волка. Страх делает непокорным самое преданное войско, и люди, которые миг назад готовы были отдать за тебя жизнь, сами убьют тебя, если встанешь между ними и детьми проклятых.

Размашистым ударом кулака по челюсти Леман сбил Сирола с ног, потом выхватил из рук тяжелый молот и силой уронил на камень рядом с его головой. Сирол замер от страха, взглядом безумного впившись в ожесточенное, полное суровой решительности лицо эрла. Отдыхающие на холме войны, и те, что убирали с дороги и сносили в повозки тела убитых тарийцев с интересом стали наблюдать за происходящим издали. Разговоры смолкли. Несколько рыцарей, несущих к лесу мешки с бобами и огромный, подернутый синей копотью котел, тоже остановились, и, удивляясь вдруг наступившей тишине, стали оглядываться по сторонам.

– Еще одно слово, и я размозжу тебе голову, – прошептал Леман.

– Подумайте эрл Леман, – немного придя в себя, пробурчал одноглазый. – Хорошо, подумайте...

– Уже подумал, – приподнимая молот, произнес эрл. Сирол был уверен, что он убьет его, но вместо этого Леман положил молот ему на грудь и, взглянув на отпечатанный на ручке герб, уверенно произнес: – Это молот Рэя, но теперь он твой. Храни его как память о своем втором рождении, но помни, если когда-нибудь, кому-нибудь ты проболтаешься об этих детях, этот молот разобьет тебе голову. – Леман выдержал паузу, дожидаясь, пока смысл сказанного дойдет до объятых ужасом сознания одноглазого, потом спросил: – Ты услышал меня?

Сирол помолчал, потом моргнул единственным глазом, еле заметно кивнул, и, как все, признающие лидерство более сильных, отвернулся в сторону.

Леман вернулся к клетке, еще раз, взгляну на детей, на секунду задумавшись над тем, что говорил одноглазый, но быстро прогнал темные мысли, и, вцепившись руками в клетку, с натугой и хрипом, багровея лицом, разжал толстые прутья.

Скоро щель оказалась достаточной, чтобы через нее мог пролезть ребенок, но дети вылезать не торопись.

– Ну, – позвал он жестом, сидевшую ближе других девочку арпийку, но та смерила его презрительным взглядом, и, скрестив руки на груди, отвернула лицо.

– Эльза, – позвал он самую младшую, – не бойся, я не причиню тебе зла. Ты ведь голодна и умираешь от жажды. Давай свою руку.

– Одноглазый хочет убить нас, – потупив взгляд, пропищала она.

– Уже не хочет, – с уверенностью произнес Леман, подкрепляя слова улыбкой.

– Нет, хочет, – уверенным, взрослым голосом произнесла темнокожая девочка. Даже не в смысле слов, а в самом звучании звуков было что-то зловещее, холодное, и от этого Леману стало немного не по себе. – И тебя тоже хочет... – заглядывая ему за спину, добавила она. – Опасайся его.

Леман оглянулся, Сирол был далеко, он и еще несколько раздетых по пояс рыцарей, смотрели как Тимох и Карэн дрались на кулаках, за право обладать трофейным черным как сажа, красавцем жеребцом. Дрались не до смерти, без злобы, подначивая друг друга смешками и шуточками.

Сирол, будто чувствуя, что о нем говорят, оглянулся, встретившись глазами с эрлом, учтиво поклонился, и поспешил повернуться к дерущимся.

– Акха знает о чем говорит, – сказал назвавшийся провидцем мальчик.

– Акха, – повторил за ним Леман, с интересом разглядывая темнокожую девочку. – Акха иеронское имя. У меня есть много друзей в Иероне, но лица их белые как снег. Кто назвал тебя Акхой?

Девочка не ответила.

– Когда к тебе обращается хранитель Диких земель, достопочтенный этион верховного круга, и второй советник светлейшего властелина Эмистана Басила, надо отвечать, – строго произнес Леман.

Акха бросила на него ироничный взгляд и произнесла с усмешкой: – Хорошо, эрл Леман, второй советник светлейшего властелина, на какой из твоих вопросов мне ответить?

– Эрлу принято говорить «Вы», – поправил ее Леман. Ему это начинало надоедать, во что бы то ни стало, надо было приструнить этих детишек: не только дети учатся дурным манерам у взрослых, но зачастую бывает и наоборот. А всего один рыцарь, не знающий дисциплины, может погубить целую армию. – Откуда ты родом, больше я у тебя ничего не спрашивал, – холодно сказал он.

– Да, с волосами, я была бы куда красивее, – сказала она, – и может быть я даже похожа на Мануэль Арри, не знаю, я ее не видела, но вам эрл Леман, лучше знать. И нет, у женщин на дальнем юге тоже растут волосы. А свои я сбрила, потому что в трюме, до того, как меня подняли наверх к ним, – она показала на остальных детей, – были вши, от них чесалась голова, и я не могла спать. И наши с вами дети, эрл Леман, не обязательно были бы темными как я. И вы в самом деле хороши, и я не думаю что Нэт Эрлтон завела себе нового любовника в ваше отсутствие. И еще – не переживайте, мы не уроним вашей чести в глазах подданных.

Слушая девочку, Леман смущенно закашлял. Он судорожно пытался вспомнить, о чем еще неприятном и постыдном он думал с того момента как появился здесь. «Даже Нэт Эрлтон приплела, – с обидой подумал он. – Ведь только на секунду вспомни о ней, и далеко от сюда... Надо было сразу одеть кольцо...»

– Не расстраивайтесь, – сочувственно произнесла девочка. – Вы не хуже других. Все мужчины думают о женщинах. И вы бы очень удивились, если бы узнали что думали о вас освобожденные женщины, когда вы проходили мимо.

Пока Леман разговаривал с Акхой, Эльза, а за ней остальные дети, по очереди стали выбираться из клетки. Арапийка отказалась от его помощи, и оттолкнула протянутую руку. Акха, наоборот с удовольствием приняла оказанную ей любезность, и не отпускала его пальцев, даже после того, как он подхватив ее на руки, опустил на землю.

– Меня не так легко расстроить, – сказал он, смущенный жалостью к себе, голодной измученной долгим пленом девочки. Окинув детей быстрым взглядом, он предложил пойти к реке

умыться; в клетке они провели не один день, лица и одежда их были измазаны грязью, сажей от костров, и ржавчиной от решетки.

Леман подозвал к себе нескольких воинов и приказал подыскать среди награбленного таорийцами какую-нибудь одежду для детей, и принести им поесть.

– Наверное не легко знать, что о тебе думают другие, – обратился он к Акхе, взмахом руки, увлекая всю ораву за собой.

– Нет, – ответила она, – это не трудно. Раньше, я читала мысли постоянно, но это надо-едает. Скоро совсем перестану.

– Ну и слава отцам старых богов. От своих глупостей некуда деться, так еще чужие выслушивать. Я поездил по миру, когда искал одаренных детей, и учителей для школ Диких земель. Я искал мудрецов, которые могли бы преподавать науки в доме знаний великой столицы, но это оказалось не так просто. Люди вовсе не так умны, как о них порой говорят, и как они сами о себе думают. Зерна их знаний спрятаны под шелухой предрассудков и туманных учений шарлатанов. – Леман оглянулся на отставшего от них мальчика пророка. – А тебя как зовут? – спросил он.

– Я Эламир, сын Бравада из Ликона, – оказавшись на свободе, он заметно смягчился по отношению к эрлу.

– Скоро я отправлю вас по домам, – сказал Леман, – или оставайтесь со мной. Но дайте слово, что пока вы здесь, вы будете вести себя как обычные нормальные дети. Не надо искушать судьбу. Большие дяди с топорами и мечами итак напуганы – то оспа, то крысиная язва, или засуха, а тут еще и вы со своими фокусами...

– А причем здесь мы? – с обидой в голосе спросила Эльза. Ветер трепал ей волосы, и она вырвала из земли травинку, чтобы связать их сзади хвостиком.

– Здесь не надо быть причем, – ответил ей эрл. – Духовные отцы обещают неурожай, и пускают слухи о голодных – жить с этим, и ничего не делать трудно, вот люди и ищут виноватых. Вот вы на виноватых, очень похожи, – заметил он с усмешкой. – Чужих здесь не любят и своим не доверяют. Ударит молния в дерево, и начнут шептаться о детях беззубого Тритона. И ходят всю ночь с факелами, заглядывая друг другу в лица, и не дай бог кому-то что-то помешится – родных детей не пощадят. Так что, аккуратней здесь со своим даром, – предупредил он еще раз, и вернулся к тому с чего начал: – Это хоть и Харпа, но Харпа еще забитая, не усмиренная. Аккуратней, и придуманные боги шепчут тем, кто хочет услышать. Так, что, пока вы не дома...

– У нас нет дома, – перебил его мальчик пророк. – Нам некуда идти. – Он немного помолчал, потом продолжил: – Мой отец умер от свиного лишая, а мать при родах. Акха всю жизнь прожила на кораблях. Ее дар стоил пять боевых коней, или пятьсот баранов. Пираты продавали ее один другому, пока она не оказалась у твоих друзей – жадных иеронских торговцев. Мию ищут убийцы ее матери. Эльза ничего не помнит. Придумала Мир Голубых озер и всем о нем рассказывает.

– Не правда! – возмутилась белокурая Эльза, и топнула худенькой, обутой в истоптанные сандалиии ножкой, так сильно, что волосы ее снова растрепались в разные стороны.

– Правда, – возразил ей Эламир. – Братьев Нирона и Акрона, зимой посреди ночи родители выгнали из дома. – Он показал рукой на изнывающих под теплой одеждой мальчиков; они ели передвигали ноги, их лица покраснелись, по щекам стекали капли пота, оставляя грязные полоски. – А вы знаете как холодно зимой в горах?

– Почему выгнали? – спросил Леман.

– Темный жрец напроорочил вождю клана смерть от их рук. Их ждут кровавые битвы. Они объединят кланы всех пяти горных хребтов, и народы живущие за черными скалами.

– Они сами тебе это сказали?

– Они еще не говорят. Это ведь дети горных племен. Акха прочитала их мысли, а Эльза перевела. Возьмите нас в Харпу, – с вызовом сказал он, – и я предреку владыке Эмистану будущее полное побед и вечной славы.

Солнце раскалило песок и камни, жар поднимался с земли и обволакивал тело; Леман снял с себя кольчугу, и отдал встретившемуся на пути Рэю Тидрассу.

– Я подарил твой молот Сиролу, – сказал ему Леман, – он очень просил и я не смог отказать.

Рэй вскинул брови.

– Мне всегда нравился ваш «Холод» эрл Леман, такой конь мечта любого воина, не хотите мне его подарить?

– Первого жеребенка, которого он принесет, я подарю тебе, – растягивая губы в усмешке, произнес эрл.

– Скорее жеребенка рожу я, – сказал Рэй. – И даже если у меня получится, вы отдадите его Сиролу. Эрл Леман, зачем Вы отдали одноглазому мой молот? – с упреком спросил он. – Еще мой отец брал его с собой в походы. И отец отца, и прапрадед мой! Что отдам я сыну. Что я скажу ему о чести рода?!

– Ты этот молот выиграл в кости у Тимоха в прошлом году, – напомнил Леман. – Его фамильный герб на ручке. Пусть он о чести рода волнуется.

– Даже если и так, – немного смутившись, произнес Рэй, – зачем лучнику молот?

– Он и тебе не нужен. Таскаешь с собой, только потому что Тимох обещал его выкупить. Ставишь в двадцать цейлонов и не сегодня-завтра проиграешь. Тимох откажется выкупать, и тогда за цейлонами придут к тебе. Подумай, какую я оказал тебе услугу.

– Я привык к нему.

Не привязывайся к тяжелым вещам. Лучше заberi у одноглазого лук, и привыкай к нему, – предложил Леман.

– Так и поступлю, – согласился Рэй. – Если Сирол отдаст мне свой лук, я застрелю его в спину, и заберу свой молот.

Леман посмеялся, потом сказал уже серьезным тоном:

– Ты отправляешься в Харпу. Я напишу Эмистану письмо. Он пришлет нам помощь. Свободные всадники Харума отправятся первыми, вернешься вместе с ними. Завтра отправлю Велеса – подстрахует тебя.

Рэй задумался.

– Прямо сейчас ехать?

Леман кивнул.

– Можешь собираться. Возьми двух лошадей. Поедешь через Китовый хребет, так будет быстрее.

– И сколько владыка пришлет людей?

– Надо тысяч пять, попросим десять, Эмистан даст три. Пока хватит.

Да, и скажи Паттану, я хочу отправить четверых гонцов в уцелевшие гарнизоны, пусть готовит людей и лошадей.

Рэй откланялся. Леман, вздыхая, взглянул на терпеливо ожидающих в сторонке детей.

– Ну что, кошмарный сон беззубого Тритона, убийцы, провидцы, и черные маги, мысли читать разучились?! Давай, потопали.

Глава 4

Река вдоль пологого берега теплая, и прозрачна, ближе к обрыву становилась глубже, вода там холодная и коричневая от осевшей на дне глины.

Дети пили долго и жадно, стоя на четвереньках; поднимали головы, чтобы отдышаться, и снова, кланялись реке, присасываясь к ней губами.

Привыкшая к морским глубинам Акха легко сбросила с себя платье, и первая прыгнула в воду. Остальные долго с опаской смотрели на возникающие то тут, то там водовороты, стараясь не замечать Акхи, пугающей своей смелостью, и стеснявшей наготой.

Эламир поднялся на холм, там разделся и спустился к отмели прямо с обрыва по свисающим к воде корням деревьев. Он стал мылиться глиной и поднятыми ногами вместе с илом ракушками, как тысячи лет это делали народы Диких земель.

Акха подплыла к пророку, какое-то время понаблюдала, а потом стала повторять за ним. Поднимая со дна ил, она все время поскальзывалась и с головой уходила под воду. Эламир сначала сдержанно улыбался, но Акха так сердилась из-за своих неудач, так рычала и фыркала, что он не в силах сдержаться, стал смеяться в голос, отчего она злилась только сильнее и падала чаще.

Четверо оставшихся детей мыться отказались, тогда Леман схватил одного из братьев за шкуру, поднял двумя руками и с размаху зашвырнул в реку. Хотел поймать еще кого-нибудь, но перепуганные дети с криками стали разбегаться в разные стороны. Леману пришлось позвать на помощь пятерых воинов, и воспользоваться выброшенной на берегу рваной рыбацкой сетью.

Оказавшись в воде девочки ругались и посылали Леману угрозы. Леман хоть и не понимал арпийского, но согласился со всеми доводами, и, не смотря на признание своей неправоты, обратно на сушу никого не пустил.

Братья Нирон и Акрон не двигаясь, стояли по пояс в воде и терпеливо ждали, когда все это прекратится. К реке стали подтягиваться любопытные солдаты и освобожденные пленницы. Леман заметил Чиара, прозванного бесстрашным, за то, что тот проспал заключение мира с Аггарцами, и явился на поле боя один. Не было трактира в окрестностях Харпы, где с появлением Чиара, в его адрес ни начинали лететь колкости и шутки. Чиар бесстрашный был толстым, круглолицым и курносым добряком, его задирали, но он не обращал на это внимание, и на обычный вопрос «скольких он убил сегодня?» отвечал, что остался еще один, и болтуны, которым не терпится расстаться с жизнью, всегда могут рассчитывать на его помощь.

У Чиара семеро детей, и эрл, решив, что он знает, как с ними обращаться, поручил ему намылить шеи непокорным горцам.

Раздевшись до пояса, толстяк зашел в реку, и схватил одного из мальчишек, но тот укусил за руку, и вырвался. Чиар схватил его другой рукой, но сзади подскочил второй брат и укусил его за бок. Вскрикнув от боли, мужчина схватился за укушенное место. Первый мальчишка освободился, но, вместо того, чтобы убежать подпрыгнул и двумя руками вцепился Чиару в трахею. Второй нырнул, и укусил обидчика за ногу, Чиар дернул ее вверх и, лишившись равновесия, повалился в воду. Дети навалились на него, не давая глотнуть воздуха. Один из них держал за ноги, второй за горло, и как бедняга ни барахтался и ни отбивался, подняться не получалось.

Войны и женщины на берегу хохотали, показывая на него пальцами, а Чиару было вовсе не до смеха; он порядочно нахлебался, и, теряя сознание, думал только о том, какой позорной, глупой смертью умирает.

Похоже, только эрл Леман не разделял общего веселья. Удивленно, с широко открытыми глазами следил за слаженными действиями маленьких убийц. Глядя на сосредоточенные блед-

ные лица, в голове крутилась лишь одна мысль: «какому из духов преисподней он угодил, освободив его милых деток?»

Придя в себя, Леман сам прыгнул в воду и, раскидав детишек в разные стороны, вытянул почти лишённого сознания толстяка на берег.

Братья не долго наслаждались победой: Эрл был упрям и горцев все-таки помыли, благо, помощников у него хватало. Спасенный Чиар наблюдал за этим не безопасным процессом с берега, и с обидой выговаривал эрлу, что он напрасно вмешался: у него и самого все отлично получалось.

Глава 5

Обеденная жара спала, и женщины небольшими группами стали покидать наспех выстроенный у реки лагерь. Они возвращались в свои сгоревшие деревни, в разоренные дома, к убитым в полях мужьям, и разбежавшимся по лесам детям. В который раз судьба бросала им вызов, проверяя на крепость их волю и терпение. Мужчины бы давно сложили руки, спились или ушли в наемники к пиратам. Женщины останутся, они не сдадутся: Дикие земли – их земли, и никто их отсюда не прогонит.

Что бы там ни говорил Эмистан, но Леман твердо решил, что не отправит в ближайшие два года в Харпу ни одного цейлона. Он представлял, как отстроит новые деревни, заложит города – с рынками, кузницами и стеклодувными; он узнает секрет кейдских швейных машин, и твердого эйлака. Они будут шить одежду и делать обувь. Появятся деньги на дома знаний и больницы. Они станут богаче чем Тарука. Он выстроит пять неприступных крепостей, и создаст армию, какой еще не знало Пятигорье. Никто сюда не сунется, и женщины Диких земель больше не будут хоронить своих убитых на войне мужей и детей. Он представлял себе это счастливое время, и улыбка заиграла на лице, но ветер донес запах горелого мяса и Леман поморщился. Оставшиеся при лагере солдаты сжигали тела убитых тарийцев.

«Не-е-ет, – печально выдохнув, сказал себе Леман. – Я, пожалуй, не доживу. Но кое что я все-таки успею. Раз я здесь, значит, будут перемены».

В лагере было пусто. Почти всех своих людей Леман отправил в гарнизоны. Лучник, которые имели свои земли и вели хозяйство, были отпущены по домам. Люди Грэя и Тимоха повезли телеги с награбленным обратно в разоренный Новый город. Все это будет продано на аукционе. Вырученные деньги будут переданы семьям, наиболее пострадавшим от нападения тарийцев.

Для детей на ночь поставили отдельную палатку. Леман заглянул внутрь, но никого не застал.

– Их отправили за хворостом, – услышал он за спиной голос Эламира. – Но они ведь вам не нужны эрл Леман, вы искали меня, – произнес мальчик, когда эрл оглянулся, и их взгляды встретились. – Вы пришли узнать будущее. Хотите спросить, станут ли Дикие земли богатым, процветающим краем? – Он выдержал паузу. – Да, станут, но только в одном случае: вы возьмете нас в Харпу, и оставите возле себя. Поверьте, в том будущем, где нас рядом с вами нет, везде вас подстерегает смерть.

Издали донесся топот копыт. Всадники скакали в сторону лагеря. Вдруг, на всегда спокойном, уверенном лице Эламира отразился испуг.

– Не верьте ему, – сказа Эламир, настороженным голосом. – Аklus страшный человек. Не спорьте с ним, не ссорьтесь, не становитесь к нему спиной, не принимайте из его рук вино, не берите подарков, и не жмите руку, а лучше всего... лучше всего просто убейте его. – Произнеся это, Эламир заскочил в палатку, и, присев у входа на корточки, стал наблюдать за улицей.

Из-за поворота показались всадники. Коней было трое, а всадников четверо. На последней пегой взмыленной лошадке сидели двое, молодой лучник по имени Иксан, и мужчина, лет сорока, с худым, обтянутым бледной кожей лицом и большим, загнутым, похожим на ястребиный клюв, носом. Одет он был в черный плащ с глубоким капюшоном, черные матерчатые штаны и, такого же цвета высокие кожаные сапоги.

Лучники спрыгнули с коней и поклонились эрлу. Иксон чуть замешкался: его нога застряла в стремях.

– Этого человека зовут Аklus, – проговори он, показывая на незнакомца. – Он приехал из Ликона, чтобы выказать вам свое почтение.

– Далеко ехал, – сказал Леман.

– Мы нашли его возле дороги, – сказал другой всадник. – Увидев нас, он стал прятаться за камнями. Когда окликнули, начал убегать. Говорит, что принял нас за тарийцев.

– Я искал вас эрл Леман, – неприятно улыбаясь, хриплым потусторонним голосом произнес гость. – Когда я узнал, что сам хранитель Диких земель приехал поставить вероломных тарийцев на место, я поклялся отцам старых богов найти и отблагодарить вас.

– Что вам нужно? – недоверчиво спросил Леман.

– Эрл Леман, вам может показаться это странным, но поверьте ничего. Никакой задней мысли. Я слышал о вас столько хорошего, столько раз думал о вас и благословлял ваш образ, и вот вы, всего в паре десятков кругов от Нового города. Я загнал двух коней, еле спасся от стаи волков, и чуть не разбился на скалах Ейна. Я не мог ни приехать. Никогда не простил бы себе. Я привез вам золото благородный эрл Леман. – Аklus слез с коня, торопливо залез рукой под плащ, и, бросая на эрла многообещающие взгляды, достал не большой, набитый под завязку, кожаный мешочек. – Это золотой песок благородный Леман, – сказал он, протягивая его эрлу, дрожащими руками. – Здесь десять ромбов. Я копил их пять лет. Я ел грубую пищу и до корней источил зубы; я носил чужие поношенные вещи, а когда болел, никогда не покупал себе лекарств. Болезни любят золото больше чем люди, – широко улыбнулся он, показав два прерывистых ряда на удивление хороших маленьких зубов.

Леман взял мешочек и покачал его в руках.

– Спасибо, – холодно произнес он.

– Пощупайте, пощупайте его наш золотой эрл, какой он плотный. Мешочки мне шьют на заказ. Пощупайте, вам будет приятно. И это не все! А вот смотрите теперь сюда! – Аklus, и достал из под плаща еще один мешочек. – И это вам! Но теперь вы не золотой эрл, теперь вы сапфировый эрл! Берите же, берите и радуйтесь! Ха-ха...

– А ты хороший человек Аklus из Ликона, – принимая подарок, отметил Леман. – Ты подаешь хороший пример остальным. Люди совсем не носят мне золото. А это могло бы стать хорошей традицией.

Леман с укором посмотрел на своих солдат.

– Посмотрите, человек прискакал из Ликона! Я не платил ему жалования, не привозил семян, не дарил плуги, не пригонял быков, чтобы он мог сеять и пахать на своей земле. Я не освобождал его от налогов, не прикрывал его спину в бою, так почему же не вы, сыны Диких земель, а он, простой торговец из Ликона понял, и полюбил меня так сильно?!

Солдаты растерянно переглянулись.

– Никто из моих людей не дарил мне ни золота, ни драгоценных камней, – пожаловался Аklus эрл. – И даже после того, как я намекнул, сделают вид, что ничего не поняли, и не станут дарить. Уж поверьте, я их знаю. Привыкли все делать из-под палки – никакой инициативы. Нет у них своих, выгодных мне желаний. Вы растрогали меня. Я обязательно приеду в Ликон, и поселюсь там, среди простых, щедрых, бескорыстных людей... – Леман, в знак прощания, поднял руку. – Возвращайтесь домой и скорее приезжайте обратно. Хорошее дело вы начали...

Леман шагнул к палатке, но Аklus остановил его протяжным, не решительным: «Э-э-э...»

– У вас что-то еще? – недовольно бросил эрл через плечо. – Говорите быстрее, я итак потратил на вас много времени. – Он небрежно швырнул мешочки в проем палатки, и развернулся, ткнув кулаки в бока.

– У меня будет к вам не большая просьба благородный эрл Леман.

– Просьба? С какой это стати?

Аklus откашлялся, мельком взглянув на палатку, намекая на подарок, о котором Леман так быстро успел позабыть. Но судя по удивленному выражению на лице хранителя Диких земель, он не чувствовал себя должником, и это ввергло Аklusа в некоторое замешательство.

– Совсем маленькая просьба, скорее это услуга вам, чем мне, – заискивающе улыбнулся он.

Леман изображая недовольство, сложил руки на груди, и стал ждать.

– Когда две недели назад по делам торговли, я приехал в Новый город, со мной был племянник – Эламир. В пять лет мальчик потерял родителей. Его мать была моей сестрой, и я взял его к себе на воспитание. Он успел причинить мне много бед, прежде чем я понял, что слуги Тритона высосали его душу и наполнили сердце тьмой. Он не слушался меня и перестал ночевать дома. Я искал его и находил в притонах среди пьяниц и воров. В город приехали самайские шарлатаны, они научили его чувствовать золото и манипулировать людьми. Выбирать жертву, подмечать детали, входить в доверие и грабить. Он заставляет несчастных поверить в то, что знает их будущее. Советует за бесценок отдавать драгоценности и втридорога покупать барахло. Он пустил по миру торговцев шелком из Эчигара, и продавцов минойской стали из Харпы.

– Не правда! Он лжет! – донесся голос из палатки. Эламир вышел на улицу и встал рядом с Леманом. – Не надо было вашим людям привозить его сюда, – прошептал он. – Вас всего четверо.

– Ну вот ты где! – раскинув руки, радостно воскликнул Аklus. – Нашел себе новых друзей. Мой мальчик, я ведь предупреждал, что найду тебя. Иди же к дяде, дядя соскучился и хочет обнять тебя.

Эламир сделал шаг назад и стал у Лемана за спиной.

– Бойтся, – сказал Аklus, – знает, что напроказничал. Эрл Леман он уже рассказал вам о своем даре? Уже обещал вам золотые горы? Спрашивал, сколько вы тратите в год? Он хотел использовать вас, но не обижайтесь на него. Мальчик не виноват. Мальчик болен. Но он мой единственный родственник, и мой долг воспитать его честным человеком. Я хотел бы забрать его прямо сейчас, если вы не против.

– Он останется, – сказал Леман.

– Он тут наделает вам дел. Вы не знаете, как держать его в узде, а я знаю. Вижу он уже напустил тут пыли. Он не знает будущего, поверьте. Скажи малыш, ночью будет дождь? Что ты будешь есть сегодня на ужин? Если я брошу камень вон в то ведро – попаду?

– Дождя не будет, – ответил мальчик. – На ужин суп со свининой и бобами. Про ведро не скажу. Если ты будешь знать будущее, то сможешь его изменить.

– Сейчас я вытащу из-за спины руку, – сказал Леман Эламиру, – сколько пальцев я буду держать?

– Я увижу кулак, – сказал мальчик.

Эрл вытащил из-за спины кулак, и посмотрел на Аklusа.

– Он не лжец.

Заискивающая улыбка исчезла с лица щедрого гостя.

– Он мой племянник, я заплатил за него золотом и камнями, отдайте мне его. Это будет честно.

– А как все хорошо начиналось, – усмехнулся Эрл. – Я почти поверил, что на свете есть бескорыстные люди. Я верну тебе твое золото, а ты потрудись больше никогда не показываться мне на глаза.

– Это не трудно, – ответил Аklus, – но мальчика я заберу с собой.

– Отойди от него! – крикнул Эламир Иксону. – Аklus хочет убить тебя! Теперь тебя! – предупредил он другого война. – Теперь тебя! – сказал третьему. – Крепче держи свой меч, он выхватит его и вонзит в твой живот. Эрл Леман, он ищет способы. Ваши люди не слушают меня, прикажите им отойти от него.

– Не переживай за них, я видел их в деле, они смогут за себя постоять, – сказал Леман, но мальчика это не убедило; не сводя испуганных глаз с Аklusа, он попятился.

– Они не слушают меня! Они все покойники, их уже не спасти!

– Какая бурная фантазия, – сказал Аklus, еле заметно оглянувшись на стоящих позади воинов. – Согласитесь благородный эрл Леман, он бывает убедительным. Самайские шарлатаны научили его оплетать разум черными нитями сомнений. Одурманенные глупцы перестают верить тому, что видят. Их будто обволакивает туман, они идут на его голос, шаг за шагом приближаясь к вырытой яме. Но я научился обходить его ловушки. Не боритесь с ним, отступайте – вот так, – и он сделал шаг назад. – Уже легче. И еще шаг...

– Стой где стоишь! – взявшись за рукоять меча, приказал стоящий за его спиной воин, но было уже поздно: Аklus развернулся, выхватил из ножен кинжал, болтающийся на ремне у воина, и воткнул ему вниз живота.

Иксан кинулся к нему, но в руках у Аklusа уже был меч, он легко отбил неумелый выпад лучника, рубанул по колену, а когда Иксан схватился за ногу, срубил ему голову. Третий воин, в отличии от своих товарищей умел обращаться с мечом, но это был не рыцарский турнир, это было соревнование на реакцию и сообразительность, и в этом соревновании он не преуспел. Аklus позаимствовал, у еще стоящего без головы Иксона клинок, и метким броском в шею, рассек облаченному в кольчугу и непробиваемый панцирь рыцарю сонную артерию.

Меч Лемана остался в палатке и эрл оказался перед Аklusом совершенно безоружным. Ухмыляясь, играючи блестящей сталью Аklus шел на него. Эрл уже хотел поднять с земли камень, но вдруг перед ним возник Эламир, и протянул ему его яркий, будто вылитый из лучей солнца эртукийский клинок.

– Я знал, что успею, – запыхавшимся голосом, проговорил мальчик, и вовремя отскочил.

Аklus кинулся на Лемана, и нанес больше десяти ударов, но все они были отбиты. Он сделал вид, что удивлен, но самоуверенная ухмылка продемонстрировала, что у него еще есть несколько козырей в рукаве. Он бил снизу и сверху, подпрыгивал, крутился волчком, делал обманные выпады, но ничего не помогало. Леман предугадывал все его трюки, отбивал с легкостью, без лишних движений, будто с неохотой.

С каждой секундой боя превосходство эрла становилось все более очевидным.

Аklus взглянул на Эламира, и в первый раз его глаза выдали испуг. Мальчик следил за боем спокойно, скрестив руки на груди, и скосив голову набок, всем своим видом показывая, что победитель этого боя ему известен.

– Чего же ты молчишь?! – крикнул ему Аklus. – Пусть бросает меч и я оставлю ему жизнь! Ты же видишь будущее, так скажи ему правду! Я убью его, пусть знает! Убью, как убивал многих на твоих глазах! Расскажи ему, как это будет! Может вот так, – и он сделал очередной выпад, и острая сталь пролетела в нескольких сантиметрах от лица эрла. – А может теперь! – и еще один бросок не принес желаемого.

– Это интересно, правда Аklus?! – с издевкой в голосе, произнес Эламир.

– Что здесь интересного, малыш? – отступая, с натугой в голосе бросил Аklus.

– Ты говорил, не осталось достойных противников! «Слабаки не заслуживают жалости» – так ты говорил! Победы достоин лишь победитель. Ну и каково это, самому оказаться слабым?!

– Не обманывай малыш! Я знаю тебя. Когда ты называешь день днем, я понимаю что давно пришла ночь. Я знаю, ты видишь его смерть. Хочешь испугать меня. Надеешься, мой страх, поможет ему победить?! Мой страх делает меня только сильнее!

– Конечно, – согласился мальчик. – Сейчас эрл отрубит от тебя лишний кусочек, и ты станешь совсем сильным!

Леман сделал обманное движение и полоснул противника по ноге. Еще один удар и на щеке Аklusа появилась длинная кровоточащая полоса. Через секунду Леман выбил меч из цепких пальцев Аklusа, и, взмахнув клинком, отсек ему руку почти по локоть.

Издав душераздирающий вопль, Аklus упал на колени, схватил отрубленную руку, и, не отдавая себе отчета, как умалишенный стал прикладывать ее к обрубку.

Леман ударом ноги повалил противника на землю, занес меч, чтоб прикончить, но вдруг замер, его остановили дети; они вышли из леса, неся хворост, и таща за собой толстые дубовые ветки. Впереди всех шла Эльза, увидев Лемана с занесенным над головой мечом, она бросила хворост на землю и от страха закрыла глаза ладонями. Дети остановились, темнокожая Акха смотрела с жалостью, узкоглазая арпийка Мия с осуждением, только привыкшие к смерти братья горцы, казалось, смотрят на происходящее с равнодушием.

Леман опустил меч, посмотрел на убитых воинов, потом на Эламира.

– Он убил преданных мне людей. Отличных воинов, верных друзей. Это я попросил их бросить фермы и ремесло, и взять в руки оружие. Скажи, твоя жизнь стоит жизней этих людей?

– Не стоит, – ответил он. – Но я предупреждал их... И я предупреждал вас эрл Леман.

– Кто он? – со злостью спросил эрл у мальчишки. – Почему ты ему так нужен?

Мальчик ответил не сразу; он посмотрел на детей, на бегущих вдалеке в их сторону трех воинов, потом, снова на Лемана.

– Он не врал. Он на самом деле мой дядя. Два года назад он выкупил меня у «веселой Иллы», любовницы томена Стаха. Ей принадлежат бродячие театры «золотых цепей». Вы слышали о них, эрл? Это театры, в которых играют рабы. И я был одним из них. Вечерами и ночами мы развлекали богачей, а утром нас сажали на цепь, и мы ели, пили и спали на полу, как цепные псы.

Аklus нашел меня и выкупил. И вместо того чтобы развлекать богачей, я стал их дурить. Сначала я убеждал их в своих возможностях – угадывал карты, бросал кости, предсказывал, какой стороной упадет монета, а потом придумывал будущее, которое они хотели. А Аklus брал за это золото. И ничего не изменилось. Вечером и ночью я играл, а утром он сажал меня на цепь. Я чуть не погиб, но сбежал – черный человек спас меня, и я оказался на корабле... с ними – мальчик кивнул в сторону детей, медленно с опаской идущих в их сторону.

Леман молча выслушал рассказ Эламира, потом склонился над стонущим Аklusом и, не разжимая челюсти, произнес:

– Сегодня ты умрешь Аklus из Ликона.

Глава 6

«Эти дети видели сегодня слишком много крови» – сказал Леман Тиасу и Валарану, и приказал отвести Аклюса подальше на окраину Черного леса, чтобы никто не слышал его просьб и стонов, и там отрубить голову.

Тиас привязал его уцелевшую руку к телу, накиннул на шею аркан, и, сев на коня, потянул пленника за собой. Валаран ехал позади, наученный горьким опытом своих друзей, не сводил с пленника глаз.

– Тиас, это сделаю я, – сказал Валаран своему угрюмому спутнику. – Он убил Иксона, совсем еще мальчишку. Убил подло, из под тяжка. Я хочу чтобы он мучился. Тритон не сделает его воином проклятого войска, и не посадит на бешенных коней смерти, потому что сначала я отрублю ему ноги... Он не даст ему огненную плеть, и меч он держать не сможет, потому что я отрублю ему и вторую руку.

– Не волнуйся на этот счет, – ответил Тиас. – Тритону не нужны безголовые войны.

– Я привез золото, – с обидой пожаловался Аклюс. – Я хотел выкупить мальчика. Я не хотел его воровать, я привез золото. У меня много золота. Но ваш эрл отрубает руки, которые его одаривают, и головы, которые воспевают его честь. Духи солнца, за что вы так несправедливы ко мне?!

Тиас оглянулся.

– Что говорит этот калека, и кто разрешил ему открывать рот?

– Жалуется на жизнь, – ответил Валаран.

– Ааа... Пусть потерпит: не долго осталось.

Аклюс остановился, его внимание привлекли следы босых человеческих ног на песке. По примятой траве и сломанным веткам на кустарниках он понял, что группа людей совсем недавно пересекла дорогу и скрылась в черном лесу, который тянулся по левую руку от них.

– Чего встал? – недовольно спросил Тиас? – Тебе нравится место? Хочешь умереть здесь?

Нет, там, – сказал Аклюс, и мотнул головой в сторону леса.

Валаран посмотрел туда же и поежился.

– Это Черный лес, про него ходит дурная слава.

– Если это его последнее желание, то мы его выполним, – сказал Тиас.

– Я не собираюсь потакать его желаниям, – возразил Валаран. – Даже не надейся, что мы оставим рядом твои разрубленные руки и ноги, – сказал он пленнику. – Я разбросаю их по всему Пятигорью, и слепая швея богини теней, не найдет твою голову чтоб пришить обратно.

– Далеко не поедем, – сказал Тиас, сворачивая в сторону леса. – Зачем тебе туда? – спросил он у Аклюса. – Там мрачно, там твоя душа не будет знать покоя.

– Я боялся, что меня ограбят, и зарыл немного золота в лесу. Я расплачусь им с проклятым табунщиком: он даст мне белую лошадь и свет пустит меня обратно в мир живых.

– Где ты такое слышал? – возмутился Валаран. – Никто не возвращался обратно. Табунщик не возьмет твоих денег – зачем мертвым золото живых? Табун везет грешников в пекло, там нет белых коней – ночь убила и пропитала их мраком.

– Оставь его, – сказал Тиас. – Он сам не знает, что говорит. Из него вылилась вся кровь, и голова перестала думать.

На краю леса они остановились. Густые высокие кроны, почти не пропускали солнечного света. Скрюченные ветки, шелестя листвой, колыхались над головами.

– Ты хорошо подумал, Аклюс из Ликона? – спросил Тиас. – Не лучше ли умереть при дневном свете, на глазах у всепрощающего бога солнца? Стоит ли идти в эту глушь? Если ты просто решил подольше подышать перед смертью, я дам тебе время собраться с мыслями и покаяться.

Аклюс ели заметным движением стер с песка глубокий отпечаток босой мужской ступни, посмотрел в темень лесной чащи и сразу отвернулся.

Пробившийся сквозь листву жирный солнечный луч выхватил из темноты человеческое лицо. Страшное, с обглоданной кожей, торчащими зубами, и глазами, лишенными век – лицо живого мертвеца.

– Нет сумасшедших, которые пойдут сюда по доброй воле, – сказал Валаран. – Для клада места лучше не найти. И как далеко ты спрятал свое золото? – спросил он у пленника.

– Тут совсем рядом... Там будет дерево с большим дуплом... – ответил он. – Если вы поклонитесь оставить мне жизнь, я покажу вам место.

Всадники переглянулись.

– Показывай, – сказал Тиас, и похлопал по шее проявляющую беспокойство лошадь. – Стрелка, чего всполошилась, стой спокойно, злые духи конину не едят. Валаран, посмотри как она боится. Это ты ее напугал своими сказками, про Богиню теней. На бойню пошла бы веселее, чем в этот лес. – Он не весело посмеялся, недружелюбно посмотрел в чащу, потом на Аклюса. – Показывай, где твое золото.

– Я не услышал клятвы.

Солдаты снова переглянулись, Аклюс сделал вид, что не заметил улыбки на их лицах.

– Хорошо, считай, что мы дали слово, – сказал Тиас.

Пленник снова повернулся к лесу, страшного лица больше не было, но теперь казалось, что он чувствует запах гниющей плоти, слышит осторожные шаги и нетерпеливое, дрожащее дыхание поджидающих их мертвецов. «Голодные» – бредни старой торговки стали реальностью» – подумал Аклюс. Он вспомнил, как приплыл в Новый город, как смеялся над подслушанными рассказами моряков и портовых грузчиков. «Конец света, нашествие ведьм, и эта их модная сплетня – «голодные». Эти бездельники уже не знают, как себя пострашнее испугать» – думал он тогда. Но два дня назад, следуя по следам тарийцев, он увидел в лесу объединенный человеческий скелет, а после наблюдал как каннибалы напали на свернувшего с дороги всадника, и с тех пор не сомкнул глаз. «Та торговка рассказывала о мальчике, который пробыл среди них несколько часов. Он сошел с ума, но выжил... – вспоминал Аклюс. – А все потому что, от него пахло мертвечиной – несколько дней он прятался от тарийцев в этом лесу, и таскал на себе, убитого ими старшего брата».

Прошли метров двадцать, Валаран оглянулся, но света не увидел: лес сомкнулся за ними, как ворота, впустившие в пораженный чумой город.

«К тритону это золото! – подумал он. – Прикончим однорукого прямо здесь».

– Уже совсем скоро, – оглянувшись на него, будто угадав мысли, произнес Аклюс. – Вот по этой, усыпанной листьями тропинке выйдем к зеленому болоту, и там будет мое дерево. Там много золота. Ты станешь богатым человеком. Не таким богатым, как владыка Таруки, но на мельницу, стадо волов, и парочку рабов тебе хватит. Постройшь беседку на холмике и будешь оттуда наблюдать, как они работают.

– У нас нет волов, – сурово произнес Валаран.

Аклюс увидел что-то в высоком кустарнике в стороне от них, непроизвольно вздрогнул, но вовремя опомнился, и, растягивая губы в улыбке, пообещал:

– А у тебя будут! Мой знакомый привозит в Новый город алкийских баранов. Я скажу ему, и он привезет тебе алкийских волов. Ты не видел, какие это красавцы!

– Хорошо, – не слушая его, то и дело, оглядываясь назад, выдохнул Валаран. – Скажи... пусть везет...

Тиас остановил коня.

– Там впереди кто-то ходит, – сказал он испуганно, посмотрел на Валарана, потом, с удивлением, на Аклюса.

– Что у тебя в руке? Что ты делаешь?

– Это всего лишь дохлая крыса, – ответил он. – Она валялась на тропинке, и я ее поднял. – Он протянул Тиасу бесформенное, покрытое шерстью, и кишасщее червями месиво.

– Ты больной! – с отвращением, крикнул Тиас. – Валаран посмотри на этого сумасшедшего! А я не могу понять, откуда эта вонь!

Аклюс и его крыса, Валарана интересовали сейчас меньше всего; он обеспокоенно смотрел назад, туда, откуда они только что приехали. Медленно вытягивая из ножен меч, прошептал:

– Они идут за нами. Они прячутся... они совсем близко... Надо было убить его на дороге... Я говорил...

– Кто они? – дрожащим голосом, тоже шепотом спросил Тиас. Он вдруг перестал понимать, где находится, и что происходит вокруг. Со всех сторон, слева, справа, сзади затрещали ветки, и раздался душераздирающий крик. Лошади закрутились на месте и заржали так, будто их хлещут раскаленными прутьями. А Аклюс, подавляя рвоту, принялся рвать зубами податливую сгнившую крысиную кожу, есть вонючее мясо вместе с шерстью и червями, размазывать по своему лицу, втирать в волосы и одежду.

– Ааа! – бессмысленно заорал Валаран, поднимая над головой меч.

Тиас тоже закричал, но от страха не смог сдвинуться с места. Замелькали тени, окровавленные лица и черные пасти. Как только его стащили с коня он почувствовал невыносимую боль, но она быстро прошла. Он перестал чувствовать, но мог видеть и думать. Он видел, как чьи-то зубы отрывают от его рук и ног куски плоти, видел полные ужаса глаза Валарана, но думал лишь о том: почему «голодные» не трогают Аклюса. На него рычали, его толкали, без конца обнюхивали, но этим все и ограничивалось.

Однорукий долго не мог ослабить узел на веревке, наконец, получилось, он вытянул из петли шею, и, ни на кого не глядя, аккуратно переступая через конечности увлеченных трапезой голодных, двинулся по тропинке в обратном направлении.

Тиас и Валаран не вернулись. Леман послал на их поиски трех всадников, но скоро стемнело и те воротились ни с чем.

Рано утром планировали выдвигаться в Харпу, путь не легкий, сопряженный с опасностями, требующий не малых физических усилий. Всадник добирался от Нового города до Харпы месяц, но теперь с Леманом были дети и сколько времени займет их путешествие, можно было только гадать.

Дикие земли населены не равномерно, если здесь в Северных степях деревни попадались через каждые двадцать-тридцать кругов, то дальше на Юг, начинались пролески переходящие в большой «Стонущий лес», где поселки встречались крайне редко, и за две недели пути можно было не встретить ни одного человека. Все пользовались другой, обходной дорогой, через горы, прозванные «китовым хребтом». Отмеченные на картах они напоминали скелет с рыбьей головой, позвоночником и огромным плавником. Этот путь занял бы еще дольше времени.

Эрл оставил при себе семерых воинов; он никогда не любил больших эскортов, и часто путешествовал в одиночку, ведь всегда мог рассчитывать на свою силу и ловкость, а в крайнем случае, на умение «Холода» в небольшие сроки уносить его подальше от больших неприятностей. Однако теперь с ним были дети, они были ему нужны, и нуждались в защите. «Так легко не убежишь, – понимал Леман. – И в случае чего придется драться».

Он уже жалел, что оставил так мало воинов, а после того, как вместо семи их осталось пятеро, всерьез задумался: не послать ли за подкреплением?

Скоро потемнело. Готовились ко сну, разожгли огонь. Эрл и четверо крепких бородачей сидели по одну сторону костра, дети сели напротив, постелив под себя солому, протягивая к огню свои босые пятки. Ночь была звездной, светлой. Чиар стоял на часах, в ста метрах от

лагеря, из укрытия на скале ему была видна дорога, лес, люди у костра, и кони, пригнанные им сразу после боя.

Охмелевшие от выпитого вина мужчины говорили громко, и Чиару бесстрашному было слышно каждое слово.

...– это закон! – говорил Молчаливый Паттан, многозначительно приглаживая свою густую растрепанную бороду. – Смерть свое возьмет. Сто семьдесят пять дохлых тарийцев и ни одного нашего, это не к добру! Я не помню таких побед! К черным дням такие победы. Смерть свое возьмет!

– Ты забыл Иксана и братьев Трионов, – возразил Мальвин, худой длинный с большой залысиной и дергающимся лицом воин. – Их убил этот проходимец из Ликона. Смерть свое взяла.

– Сто семьдесят пять и три – не смей меня! Это только начало! Тот который знает сегодня ослепил наших врагов, а завтра ослепит нас. После таких побед, в полях на головы падают камни, кусают змеи в постелях, или еще, чего доброго захлебнешься ложкой супа, как Бирман. Мне нужен честный бой, и себе и своим врагам я желаю честной судьбы. Все должно быть просто и понятно! И если кто-то скажет, что в нашей победе нет ничего странного, я вытащу вон из того котелка поварешку, и долго буду бить по глупой плешивой голове.

– Этой победе есть объяснение, – сказал, до сих пор молчавший эрл. – Хороший, продуманный план, удобная местность, внезапность... И еще – мы просто были лучше, и с нами была правда. Ну что, теперь пострижешь меня и будешь бить по лысине? – с усмешкой спросил Леман.

– Ну... – смешался Паттан. – Я думал «лохматый», – он кивнул в сторону Мальвина, – скажет как всегда, какую-нибудь глупость. А так-то вы правы! Это уж конечно! Я даже добавлю, с таким полководцем, как вы, не могло быть иначе.

Войны рассмеялись.

Паттан отхлебнул еще вина из скрученного бараньего рога, и, набравшись смелости, произнес.

– И все-таки наш благородный эрл, в таких победах мало чести. Вы ведь даже не вытащили меч из ножен...

Воины недовольно переглянулись.

– Ты много болтаешь! – со злостью бросил Мальвин.

– Молчаливый! – осадил его другой. – Заткни свою пасть! Или скрепить ее клеем, как с тобой поступал отец в детстве, чтобы спать не мешал?

Паттан и сам уже понял, что ляпнул что-то не то, и хотел как-то оправдаться, но Леман жестом остановил его.

– В смерти мало чести, – задумавшись, ответил он. – Я просто хотел освободить пленниц. Любой ценой. И честь здесь совсем не причем. Мы еще помашем мечами, но... За пять побед, в которых не погибнет ни один из моих воинов, я готов отдать пять своих жизней. Скажешь, в этом мало чести?

– Эрл Леман... – прижимая руку к груди, виновато простонал Паттан.

– Ладно... ладно... – сказал эрл, давая понять, что он не обижен.

Стало тихо, никто из сидящих у костра бородачей долго не решался начать новую тему, но тяжелое вино бурлило в голове, выталкивая на поверхность легкие мысли.

– Ты видел, как я утопил того бугая в болоте? – обратился Мальвин, к светловолосому крепышу с жидкой бородкой, который сидел справа от него. – Он почти достал тебя копьем, если б я не подрубил ноги его коню, не греться тебе сегодня с нами у этого костра.

– Брось, того здоровяка свалил Меир! А ты, как всегда, промахнулся! А вот я два раза спас тебе жизнь! Помнишь тех с синими крестами?

– Что?! – удивился Мальвин.

– Пока ты купался в болоте со своим дружком, я дрался против пятерых.

– Что? Ты прибежал только чтоб помочь мне выбраться из под кучи убитых мной врагов.

Я вообще не помню, чтобы у тебя был меч.

– Тот, со шрамом, выбил его из моих рук... Но это его не спасло...

– А я-то думал, чего это ты шарисься по кустам, пока я проливаю кровь. Даже подумал, что ты тронулся головой. Признайся – от страха ты возомнил себя вардом, который только проснулся и ищет под кроватью горшок.

– Я зарубил троих, с четвертым помог Меир, а пятый кинулся к тебе, – с упреком сказал светловолосый. – Он был в двух шагах, и благодари богов, рядом со мной оказалось копьё... Я мог бы не спасать тебя, но я вспомнил: «а ведь он должен мне бочонок харпского пива».

– Когда это я был тебе должен?

– Сразу, как только я спас тебе жизнь...

В руках у Лемана была старая книга. Он, то слушал воинов, то начинал листать пожелтевшие, с выцветшими буквами страницы. Эти двое похоже только начали спорить, и эрл, потеряв к ним интерес, снова погрузился в чтение.

Эльза обратила внимание, что книга увлекает его, стоило ему опустить глаза, взглянуться в буквы, и мысли были уже где-то далеко; выражение лица постоянно менялось, становясь задумчивым, удивленным, насмешливым, и снова задумчивым, будто он не читает, а пытается разгадать сложную загадку. «Эта книга волнует его, но ей не доверяет, – подумала Эльза, и в девочке проснулось любопытство, захотелось хоть краешком глаза пробежаться по нечетким строкам; она вытянула шею, но Леман заметил это, и, загнув уголок, захлопнул книгу перед ее носом.

– Тебя не учили, что подглядывать не хорошо? – спросил он.

Эльза пожала плечами, и обиженно повернулась к огню. Леман снова стал читать, а она посмотрела на Акху, и тихо шепотом спросила:

– О чем он думает?

Темнокожая Акха впилась в эрла сверкающим взглядом, смотрела долго, но, в конце концов лишь неуверенно покачала головой.

– Я слышу всех, кроме него, – ответила она. – Вон тот бородатый, боится, что наговорил лишнего, и хочет как-нибудь похвалить эрла, чтобы он не держал обиды. Тот, что стоит на посту уснул, ему снится толстая женщина, которая заперла его в сарае, и не пускает в трактир, Акрон, думает о том, чтобы украсть лошадь и ускакать отсюда, Нирон хочет такой же меч, как у эрла. Может, он его даже стащит. А ты вообще...

– А что я?

– Ты влюбилась в эрла, и полчаса уже думаешь, какой он красивый.

– Не правда, – сказала Эльза.

– Скажешь, он тебе не нравится? Все собирали хворост, а ты собирала одуванчики, и сплела веночек, думаешь, я не знаю для кого? Чего же не подарила?

Эльза вздохнула.

– Если я предложу, все равно он не женится на мне. Он, наверное думает, что я еще маленькая.

– Ты и есть маленькая, – сказала Акха с усмешкой. Она привычным движением коснулась головы, будто хотела поправить прическу, но с сожалением вспомнила, что волос у нее нет, и с завистью посмотрела на толстую длинную косу темноволосой арпийки Мии. – А Мия, все время вспоминает свою тетку Одру, которая убила ее мать и сестер, – продолжила она. – Когда-нибудь она вернется, и отомстит.

– А о чем думает Эламир? – спросила Эльза. – Его что-то тревожит. Он всегда был такой смелый. Ничего не боялся, ни на корабле, ни в клетке. Почему он стал такой задумчивый?

Акха пристально посмотрела на Эламира. Он заметил ее взгляд; бросая ветки в костер, недовольно выпалил: – Чего тебе?

– Ты же знаешь, что я не отвечаю, зачем спрашиваешь? – ответила вопросом на вопрос Акха, и снова повернулась к Лизе. – Эламир, пообещал Леману, что сегодня не будет дождя, а сам полчаса слышит гром, и на него уже упало две капли. Он же не сказал эрлу всю правду. Наврал ему, что предсказывает на тысячу лет вперед, теперь мучается.

Лиза украдкой взглянула на Лемана, и снова прошептала:

– Акха, если ты знаешь, о чем думаем мы, почему перестала слышать его? Может, ты слышишь, просто не хочешь говорить?

– Что-то изменилось. Он не так прост, как кажется. Он прячет мысли. Так мог делать только тот человек...

– Какой человек? – настороженно спросила Лиза.

Акха отмахнулась.

– Не бери в голову, я чувствую, ты начинаешь бояться, но не стоит: здесь нет злых людей. Если они появятся, я услышу.

– Я тоже читаю книги, – отвлекла Эльза, Лемана. Он, продолжая, думать о чем-то своем, поднял голову и неуверенно спросил:

– Что?

– Сначала я прочитала все книги, которые были у нас дома, – с вызовом сказала Эльза. – Потом я стала ходить в библиотеку к старому Рурку. Я помогала ему переводить манускрипты подземного города, и за это он давал мне читать. Я прочитала десять тысяч книг. Я знаю как Сигур плыл по синей реке и встретил королеву цветов, и у них родись дети звезды. Я читала про то как Улухан полюбил жену своего друга Алухту и бежал с ней в черный лес и их заколдовали черные птицы предательства, но друг простил их и расколдовал. Еще я читала про то как лишенный наследства Маик полюбил королеву, но он не знал, что она королева, он думал, что она нищенка и хотел ее спасти. Я читала про распутницу Карину и сто ее любовников. Она всех отравила, а сотога не смогла, потому что влюбилась...

– Понятно, – зевая, произнес эрл. – Как можно забивать голову ребенка таким мусором? А что-нибудь не про любовь, что-нибудь толковое не попадалось?

– Я читала про владыку далекой страны, которому приснилась прекрасная Атильда. Он завоевал весь мир, пока искал ее. Он убил дракона и подземного медведя Асарапша. Я знаю, как можно убить дракона с помощью заговоренного лука и золотой стрелы.

– Не интересно, – покачал головой Леман. – Из последнего дракона, я как раз вчера сварил суп. Знаешь, что, я бы этого твоего старикашку библиотекаря поднял на вершину Эмареста и посадил на цепь. Там он понял бы как опасен бывает ветер.

– Какой ветер?

– Ветер, который появляется в головах у маленьких девочек от таких книг.

Эльза обиделась, она отвернулась от костра, чтобы никто не видел, как по ее щекам потекли слезы.

Эрлу стало не по себе: он не терпел женских слез, а девчачьих подавно. Он уже подумывал как бы ему извиниться, но так чтобы это выглядело не как извинения, а как доказательство его правоты, от которого всем маленьким девочкам сразу станет весело. Задача не простая, а тут его еще и отвлек Паттан.

– Эрл Леман, – спросил он. – Вы тоже считаете, что война с Тарукой примирит между собой народы Пятигорья?

– Что значит тоже? – не отрывая взгляда от плачущей девочки, спросил эрл. – Так никто не может считать. Никакая война нас не примирит.

– Говорят, что если мы не нападём на них, то они нападут на нас.

– Это не так! – посмотрев на него, сердито сказал Леман. – Кто распускает эти слухи о войне с Тарукой? Пусть воюют те, кому она нужна. Нам не нужна война, и хватит говорить о ней. Лекарь из Талии так боялся старости, что решил отравиться в молодости. Тритон не проснется, если вы не будете на каждом углу кричать его имя.

– Не обижайтесь эрл Леман, – вставил свое слово Мальвин, – но сейчас все говорят о войне. То, что вытворяет Тарука уже нет сил терпеть. Они молятся морским богам, которых нет, и святой Габриэл доказал это. Они собрали ведьм со всего Юга и те настраивают против нас темных духов Адоса. Их шпионы приезжают к нам под видом купцов и заражают наших овец падучей болезнью. Пчелы перевелись от мохнатого клеща. А у нас мохнатого клеща отродясь не было. На стенах их домов написано: «Харпа наш враг!» Говорят, за каждого убитого пятигорца платят пол цейлона, и потратили уже сто тысяч. Рассказывают, как они приволокли на площадь мальчика из Диких земель, и убили его, а потом приехал владыка Таруки Анулай, и на глазах у всех съел его сердце. Они ненавидят нас и заслуживают смерти!

– Святой Габриэл, говоришь, – процедил сквозь зубы Леман.

– Да, – возбужденно сказал Мальвин. – И Анулай не настоящий владыка. Духовные отцы узнали, что калганские ведьмы подменили его в детстве. Я тоже сначала в это не верил, но об этом говорят все, и я понял, что глупо сомневаться. И еще, торговец шелком из Нового города видел у него хвост. Огненный хвост с шипами. А торговец этот говорят очень честный, и врать не станет, у него трое детей... Младшая дочка ездит на пони, – сказал он, добавляя реалистичности образу честного торговца.

Леман дослушал его с трудом. Все в нем закипало от злости. «Ну как им еще объяснить? Есть Пятигорье и есть богатая Тарука. И Пятигорье ищет повод напасть на Таруку и ограбить ее. Союзники настраивают нас против Таруки, рассказывают байки про ведьм, про зараженных баранов и про съеденные сердца, только потому, что Харпа не хочет этой войны, хотя она и часть Пятигорья. Вот про хвост они поняли, а про то, что нас пытаются втравить в войну, которая нам не нужна, это для них уже сложно».

– Хвоста у Анулая нет, – все, что ответил он. – И Войны не будет. – Эрл снова посмотрел на Эльзу, и примирительным тоном спросил:

– Ты что обиделась?

Эльза уже не плакала, но обида вернулась вместе с вниманием эрла, и она, демонстративно хлопнув носом, отвернулась в сторону.

– Глупые книги вы читаете, – сказал он Эльзе, – вот и вырастают из умненьких хорошеньких детишек, глупые лысые дяди. – Он показал взглядом на сидящих у костра воинов. – Ну эти-то никаких не читали, эти еще не так испорчены. А вот их духовные отцы, наподобие святого Габриэла, много всякой мути нахватались. Читали там чего-то, сами ничего не поняли, зато учат...

– Из меня глупый дядя не вырастет, – огрызнулась Эльза. – Когда арпийский рыцарь Этаон, выбрался из небесного лабиринта, он пять лет просил прощения у солнцеликой Афертики. Он тоже считал ее глупенькой, и где бы оказался, если бы она не указала ему путь холодного дыхания Амастаракша!

– О-о-й... – устало выдохнул Леман, – солнцеликая Афертика. В Куруане я нашел дневники полководца Алайза великого. Он жил пять тысяч лет назад. Он учит, как брать крепости и воевать в горах. В библиотеке Аккропа я нашел книги древних земледельцев. Это драгоценные знания. Теперь мы сеем и убираем урожай как они. Мы научились хранить зерно. Мы больше не голодаем в годы неурожая. Мы продаем пшеницы и ячменя больше чем девять оставшихся миров пятигорья, вместе с Тарукой и мирами Желтых долин.

Нам везут руду, а мы продаем сталь! И такой стали нет больше нигде! Я прочитал ни одну книгу, чтобы сложить все пазлы этой мозаики. Минойская сталь стала достоянием нашего народа.

Мы строим корабли, каких больше нет нигде! Когда-то на таких плавали саптийцы. У них не было земли, но это было богатейшее торговое племя. За один год все они умерли от желтой лихорадки. Их забыли на тысячу лет.

Эмистан тогда еще был мальчишкой, – придаваясь воспоминаниям эрл широко улыбнулся. – Я уговорил его, и мы отправились к мертвому морю. Его отец был в гневе, за нами гнались две недели. Голодные, но жутко веселые были деньки. Только через полгода, мы смогли спуститься в подземные хранилища древнего Массаха. История саптийцев, их знания, схемы кораблей, карты – не пропали – все осталось в книгах.

– Вы были друзьями с владыкой Эмистаном? – с интересом спроси Эламир.

– Мы и сейчас друзья, – ответил Леман. – Вот такие книги надо читать, – сказал он, глядя на Эльзу.

– А что с вами было, когда вы вернулись? – спросила она.

– Вернулись мы только через год. Оборванные, голодные, но счастливые. Нас уже не ждали: никто не думал, что мы выживем. Элинор Васил, его отец, тогда был владыкой Харпы. Он считал, что я плохо влияю на сына, и поспешил отправить меня обратно к Мертвому морю. Это была уже серьезная, подготовленная экспедиция. Со мной поехал эрл Таин и его ученая свита. Я был счастлив, но мне было жаль Эмистана. Отец, конечно, его не отпустил. Я помню, как он плакал в день моего отъезда. Мы поклялись, что обязательно поедем вместе в разрушенные города древней Ухры, но этому не было суждено сбыться. После смерти отца, у Эмистана появилось слишком много других забот.

– Не бывает, чтобы никто не голодал, – думая о своем, сказал Эмистан. – Я видел много миров. Разных – богатых, бедных, и во всех главных городах было полно попрошаек. На турниры собиралась знать, влиятельные эрлы, этионы, я видел даже нескольких владык... Они шли нарядные, в золотых плащах, а рукоятки их мечей сверкали камнями, каким нет цены. За ними шли их сытые слуги; огороженная солдатами толпа, рукоплескала им, и все тянули руки, чтоб коснуться расшитых цветными блестящими нитями одежд. А рядом, в десяти шагах умирали от голода нищие. Они ползали на своих раздутых брюхах, путались в ногах, и просили хлеба. Никто не пошевелил и пальцем, чтоб помочь им. Каждое утро десятки окоченевших тел вывозили на городское кладбище, сваливали в кучу и сжигали. Так было в Адарии, в Схале и у тарийцев... И у вас так же.

– У нас не так! – возразил молчаливый Паттан. Наконец ему выпал шанс похвалить эрла, и тем исправить свою предыдущую ошибку. – Многим не нравится, но мы кормим наших нищих. Эрл Леман не обманывал тебя. Наш добрый эрл пересчитал всех нищих в Харпе. Порой кажется, что о них он печется больше, чем о собственной армии.

– Ты опять болтаешь лишнее! – предупредил его Мальвин.

– Я всего лишь хотел сказать, что эрл дал им кров, еду, и возможность честно трудиться, – вдруг вспотев, выпалил Паттан. – Работы много, бродяг и попрошаек у нас нет. – Он вытер пот со лба, пытаясь понять, остался он в седле, или капризный конь снова сбросил его на повороте.

– Так уж и нет? – удивился Эламир. – А если я не хочу трудиться?

– Тех, кто может работать, но не хочет, мы прогоняем. Пусть едут умирать в Адарию или Схалу.

Леман одобрительно покачал головой. У Паттана отлегло.

– За десять лет мы много чего сделали, – сказал Леман. – Наша экономика выросла в пять раз. Худшее что может быть для нас, это война. Она отбросит нас назад. Нам нужно время. Надо укрепить границы Диких земель.

– Вы любите Харпу, – касаясь ворсинок на бритой голове, сказала Акха.

– И вы полюбите, – сказа эрл. – Это Мир равных возможностей. Мир в котором все друг за друга. За Харпу стоит драться, и даже умереть.

Воины по одному отправились спать в свою палатку. Дети тоже пошли к себе. Эрл спустился к реке, вымылся, и вернувшись в лагерь, лег на открытом воздухе, возле костра. Уставший за день он быстро уснул.

Через несколько минут из палатки выкарабкались братья горцы; они привыкли спать под чистым небом, и, приметив, обогретое эрлом местечко, легли рядом.

Потом из палатки высунула свой нос Акха. Она подумала, что если братья захотят украсть лошадь и меч, Лемана надо будет предупредить, и, покачиваясь на нетвердых ногах направилась к ним; скоро Акха прижалась к эрлу с правого бока.

Посреди ночи Леман вдруг почувствовал, что ему тесновато, попробовал пошевелиться, но это было не так просто. Он открыл глаза, приподнял шею, и увидел, что на его груди, животе и ногах лежат сопящие детские головы. Братьев сдвинули к краям. Слева подпирал Эламир, на правом плече спала Мия, прямо на нем, тычась носом в его подбородок, подергивалась во сне Эльза.

Леман снова опустил голову, хотел выбраться, но потом отметил, что вместе все-таки теплее, и уснул быстрее, чем успел подумать, как затекли ноги и спина.

Глава 7

Анва, так назывался Мир, из которого пришла Эльза. Давно исчез народ, который дал этому Миру название. И когда Эльза сказала отцу, что Анва означает: Голубые озера, он не придал этому значения, посчитав детской выдумкой. Анва это мир пустынь, кочующих дюн, оазисов, и огромных впадин – бесконечных безжизненных пространств.

Эльзе было семь лет, когда проснулся огненный бог и стал трясти землю. Рушились дома, башни, завалилась городская стена, а возле самой Эльзы упало старое дерево и больно хлестнуло своими ветвями.

Когда люди пришли в себя, то не поверили своим глазам. Их мир больше не был пустыней: все впадины наполнились чистой голубой водой. Невидимые гейзеры выбрасывали ее из под земли, вместе с песком.

«Мир Голубых озер» – вспомнил отец слова своей маленькой дочери. У Эльзы появился дар, которому не было объяснения. Девочка понимала чужие языки, даже языки мертвых народов, читала любые надписи, объясняла значения и происхождение слов.

В ней проснулась безудержная тяга к знаниям. Отец Эльзы был личным телохранителем владыки Кеграха, и у Эльзы появился доступ к его библиотеке. Но это было ни что, по сравнению с тем, что хранилось в подвалах у старого Рурка – главного архивариуса Анвы.

Архивариус был нелюдим, и никого не пускал в свою вотчину. Всю свою жизнь он просидел в темных подвалах, переводя и переписывая старые книги. Эльзе он давал читать только то, что одобрял ее отец. И большинство комнат для нее оставалось под запретом. Но это только разжигало любопытство девочки. Эльза стала приносить Рурку вино из отцовского погреба, и пока он пил его в столовой, открывала запретные комнаты, хватала первую попавшуюся книгу, и прятала ее за пазухой.

Старик быстро догадался о ее проделках, и стал подсовывать на видное место книги прошедшие одобрение влиятельного отца. Скоро и Эльза поняла, что старик не так прост, и стала подольше задерживаться в комнате, и кроме подsunутой книги, прихватывала еще парочку. Но Рурк на то и старший архивариус, чтобы знать где что лежит, и, не говоря Эльзе ни слова, стал принимать контрмеры.

Эльза заметила, что на книгах больше нет пыли, и стали попадаться те, которые она уже читала. «Он попрятал от меня все самое интересное! – решила она. – Это начало войны! – сказала она себе, представляя на себе кожаные отцовские латы и шлем с синим хохолком».

– Почему ты не можешь, как все нормальные дети играть себе в куклы? – спрашивал у нее старик. – Маленькой девочке не место в сырых темных подвалах. Посмотри, как солнечно сегодня.

– Ты просто завидуешь, вот и гонишь меня, – спорила с ним Эльза. – Я могу читать книги, которые не можешь прочесть даже ты. У меня дар, и он хочет, чтобы я его использовала.

– В конце концов ты найдешь книгу, которая наполнит твое сердце отчаянием. Ты разочаруешься и возненавидишь жизнь.

– Я читаю много книг, но понимаю не все. Я еще маленькая, и до конца дочитываю только те, где есть любовь. Разве любовь может разочаровать?

– Как раз она и разочаровывает, – отвечал Рурк.

На все запретные комнаты старик повесил замки, а на следующий день, он появился на работе только к обеду: кто-то повесил замок на входную дверь его дома, и соседи мучились полдня чтобы его спилить.

Рурк стал бесцеремонно обыскивать Эльзу, и отбирать книги, каждый раз, когда она собиралась уходить. Как-то раз придя домой он обнаружил, что кто-то накидал ему в открытое

окно с десяток ужей. Ужей поймали, но скользкие гадины снились ему всю ночь и наутро Рурк пришел с уставшими красными глазами.

Рурк не стал жаловаться отцу Эльзы. «Это, – решил он, – наша личная дуэль». С тех пор старик не оставлял девочку ни на минуту. Как только она приходила, он привязывал ее руку к своей и заставлял читать рядом с собой, в надежде, что ей в конце концов это надоест и она перестанет приходить.

Как-то Эльза угостила старика на удивление крепким вином, архивариуса стало клонить в сон, и он ушел домой раньше обычного. Спал как убитый, а когда проснулся, то увидел рядом со своей кроватью, жуящую его простыни корову. Рука Рурка была прикована к коровьей ноге цепью, и ему пришлось вести непослушное животное на кухню, через весь город.

Сын кузнеца проболтался, что к нему приходили с предложением заковать Рурка, но он отказался, потому что не хочет неприятностей. Но, кто приходил, он не рассказал, потому что неприятности могут появиться и с той стороны.

Старик сдался, теперь Эльза могла приходить когда захочет, и читать что захочет, но в его присутствии.

Оставалась еще одна запертая тайная дверь в дальней, темной части подвала, но к штурму этой крепости Эльза решила приступить попозже.

Эльза не заметила когда взрослые стали говорить о войне. Это слово она слыша все чаще и чаще, но до конца не понимала его страшного значения.

Отца месяцами не было дома. Тогда многие ждали своих отцов, братьев и мужей. «Если это война, если она такая, то это еще можно пережить. В конце концов все ведь вернуться...» – думала девочка. Но так думала не долго. Война пришла и к ней – настоящая, страшная, кровавая. Она пришла с голодом, плачем скорбящих матерей и стонами раненых солдат, наводнивших улицы. Солдаты были в каждом доме, они были во дворце у Киграха, лежали под деревьями в садах Альмиры, и просто на дороге, под палящими лучами солнца.

Когда Эльза видела своего отца в последний раз, она его не узнала. Крепкий и всегда жизнерадостный, он вернулся отчаявшимся, сильно похудевшим и угрюмым.

В то утро ее разбудил испуганный голос матери. Он доносился с улицы, из открытого окна; белая ажурная занавеска качалась от порывов ветра, но казалось, вздрагивает, от ее слов.

– Не может быть! Не может быть, чтобы больше ничего нельзя было сделать! – говорила мать. – Пусть воюют гвардейцы Киграха. Хватит этим хвастунам пьянствовать, приставать к девкам и драться на турнирах тупыми копьями. Пусть идут воевать! Соберите раненых, раздайте оружие мастерам, слугам, зовите стариков; эти крикуны много хвастались прошлыми победами; они подбили молодежь на войну, вот пускай теперь воюют!..

– Все кончено, – услышала Эльза тихий голос отца.

– Ничего не кончено! – кричала мать. – Если ты не можешь драться, как мужчина, тогда я буду делать это за тебя! Два года вы наблюдали за Ромульцами с гор или прятались за дюнами. «Скоро! Скоро!» – обещал ты. Мы зарезали весь скот, отдали два урожая, все золото, все драгоценности, все ушло на вашу проклятую войну! Дома не осталось даже посуды. Все потратили на своих прожорливых солдат и наемников, а теперь притащились, поджав хвосты, чтобы сказать: все кончено! Это за все наши страдания?! Твои дочери одеты как нищенки. Посмотри, как износились мои платья!

– Ты не понимаешь, – выдохнул отец.

– Чего я не понимаю? Вспомни, какая я была! Вы сделали из своих жен старух. Посмотри в чем я хожу!

– Платья... – тихо, отрешенно произнес отец. – Мой красный плащ стал черным от застывшей крови. Прошлым утром Киграх умер на моих руках. Долгая, мучительная смерть...

Владыка стонал, и плакал, как испуганный ребенок. Он не понимал, что говорит. Я боялся, что таким его увидят подданные, и уже сам желал ему смерти.

– Как умер? – испугалась мать.

– Охранников, гвардейцев Ромульцы вырезали еще неделю назад. Мы отступали через перешеек у Сухих скал, и вдруг их атака... Это было так неожиданно... Коннице негде было развернуться. Нас раскололи на части, заперли в горах, и перебили по очереди... Неделю без еды и воды. Труссы... Как стыдно, как бесславно... У нас больше нет армии, у нас больше нет владыки, и нашего Мира больше нет...

Подойдя к окну, Эльза увидела отца; он сидел на крыльце на ступеньках, и, сняв с головы шлем постукивал им по кованным перилам, потом, будто опомнившись, отшвырнул в сторону.

– И что дальше? – сквозь слезы спросила мать. Она была в шаге от отца; он протянул к ней руку, но мать оттолкнула ее. – Что дальше? – повторила она.

Отец отвернул лицо, и вдруг увидел Эльзу; он растерянно улыбнулся дочери, попытался махнуть рукой, но кисть обессилена упала на колени; отец опустил голову, и заплакал.

Бежать было некуда, Ромульцы шли к городу через пустыни вдоль озер, спускались с гор, и пересекали плодородные поля Лериха. Знать, ремесленники и мелкие торговцы отдались на милость победителей. Отец, и с ним еще три военных советника Киграха, сняли латы, бросили мечи, и, переодевшись в одежду своих слуг, решили скрыться в горах.

К вечеру Ромульцы вошли в город, и горы осветились огненным заревом, и воды Голубых озер горели неистовым пламенем, отражая пылающие башни, дома и деревья у разрушенных городских стен.

Озверевшие, уставшие от долгой войны солдаты врываются в богатые дома, убивали хозяев, их детей и слуг. За первую ночь вырезали половину горожан.

Всем кто прятал у себя представителей знати, приближенных Киграха и членов их семей грозила немедленная смерть. Обыскивались чердаки, подвалы и сараи.

Утро началось с показательной казни. На городской площади рубили головы слугам, укрывавшим своих хозяев. И за каждого провинившегося, из толпы согнанных горожан вытаскивали пятерых и казнили.

Матери Эльзы и ее сестрам было чего опасаться. Поверженный владыка был им хоть и дальним, но кровным родственником. Пять дней Эльза ее мать и младшая сестра, прятались в сарае у кузнеца Миниха Рейна, троюродного брата отца. Пять дней страха и слез. Миних очень боялся, что его заподозрят, и за все время, которое они были у него, ни разу не навестил.

Еда закончилась на второй день, вода на четвертый.

Почти сутки напролет Миних подковывал рамулских лошадей, дома появлялся на пару часов, чтоб выспаться, но у него не получалось. Эльза слышала, как он ругается со своей женой. Худая, с синей кожей и глубоко посаженными глазами Дарин, и раньше не нравилась Эльзе, а теперь от одного только ее голоса девочку начинало трясти. Дарин требовала от мужа, чтобы он их прогнал. Говорила, что у них у самих дети, и что отец Эльзы никогда не помогал им деньгами, а мать Эльзы никогда не звала их в гости, и брезговала ее (Дарин) хлебом, и много, много еще чего...

На пятую ночь возле сарая появились солдаты.

Женщину и детей схватили и сразу повели на площадь, но Эльза вырвалась, она смогла пролезть в узкую щель между домами и убежать.

Долго еще она слышала за собой погоню. Солдаты мчались за ней, тяжело дыша, звякая о стены сталью своих топоров и мечей, и шелестя кольчугой.

Эльза специально выбирала самые узкие проходы, и солдатам приходилось оббегать плотно прижатые друг к другу дома. Один из преследователей, скинув на ходу латы из пресованной кожи, рискнул ползти за ней и застрял. Он хотел достать Эльзу клинком, но только

расцарапал ей плечо. Со злостью он метнул легкий, острый как бритва меч вслед беглянке, но не попал: низкая балка над головой Эльзы спасла ее.

«Я застрял, вытягивайте меня!» – стал звать он на помощь, но никто не услышал. Никто, кроме Эльзы. Она еще могла выскочить на другую улицу, и нырнуть в такую же щель, но вдруг остановилась.

Солдат хрипел и ругался, возвращаться к нему было страшно, но Эльза никогда не меняла своих решений, а решение уже было принято.

«А! Иди сюда! Мелкая дрянь! Попалась! – закричал солдат, когда снова увидел в проеме детский силуэт. – Она здесь! Она здесь! Не уйдешь! Попалась мерзавка!» – радовался он, протягивая к ней свободную руку. Вдруг, что-то брызнуло ему в глаза, солдат вскрикнул, поднес к своему лицу руку, и истошно завыл. На руке не было пальцев. Эльза отрубила их его же собственным клинком. В считанные секунды она изрубила всю его руку.

Было темно, к тому же Эльза зажмурилась, и совсем не видела куда бьет; клинок поднимался и опускался снова и снова; от чужого неистового крика у девочки заложило уши, и она продолжала рубить, даже когда враг ее затих и перестал сопротивляться.

Когда Эльза поняла, что он мертв, то, не раздумывая, схватилась за его скользкую от крови шею и, упираясь ногой в кожаный ремень на поясе, перелезла через него на другую сторону.

Она бежала еще долго, без оглядки, почти не видя дороги, сбивая ноги и обдирая руки о шершавые стены узких подворотен. Потом спряталась за колодцем и долго не могла отдышаться. Эльза вдруг поняла, что не знает, куда идти дальше? Город стал чужим. Кто приютит ее? Кому можно довериться, если даже те, кого они считали своими друзьями, так подло с ними поступили?!

Эльза старалась заставить себя перестать плакать, но это было не так просто: стоило ей вспомнить о маме и сестрах, и слезы сами текли из глаз. «Перестань! Хватит!» – говорила она себе. – Эльза, у тебя мало времени. Скоро станет светло, и тебя сразу поймут. Придумай! Скорее придумай куда идти! Кто не предаст?» Она представляла себе родню, знакомых, соседей, и везде ей мерещилось предательство. «Теперь каждый сам за себя» – вспомнила она слова Дарин. «Можно было бы пойти к Рурку, – прикидывала она. – Но ведь мы с ним враги, – вспомнила Эльза с сожалением, но вдруг подумала, как неуместно и мелко теперь вспоминать о их глупой вражде. Старый, не раз обиженный ей архивариус оказался единственным, кому она могла довериться.

Кругом бродили патрули, и Эльзе приходилось быть очень осторожной, чтобы не попасться им на глаза. Дома Рурка не оказалось, и, почти отчаявшись, понимая, что шансы на спасение уменьшаются с каждой секундой, она отправилась в библиотеку.

На полпути Эльзу окликнули, и снова пришлось убегать, но теперь это было не так просто: по ее следу пустили собак. В этом районе жила знать, и здесь не было узких улочек и темных подворотен, в которых можно спрятаться.

Все тело начала колотить дрожь, сердце казалось выпрыгнет из груди. Собаки были все ближе, она уже слыша не только лай, но дыхание той, что вырвалась вперед остальных. В какой-то момент Эльза поняла, что ей уже не оторваться, она оглянулась, будто хотела заглянуть в глаза самой смерти, но тут же споткнулась о бордюр и упала спиной на вымощенную булыжниками дорогу.

Огромный, больше похожий на тигрицу, чем на собаку пес в последнем прыжке оторвал лапы от земли. Эльза не закрывала глаз, но вдруг стало темно. Что-то или кто-то появилось

между ней и кровожадным зверем, и отбросило его в сторону. Собака жалобно взвизгнув, пролетела мимо, покатила кубарем и почему-то затихла.

Приближались еще два пса, и черная тень шагнула им на встречу. Эльза подумала о черном духе Мира проклятых, но все-таки еще надеялась, что это не дух, а человек. Просто очень большой и сильный человек. Она не видела его лица, но разглядела крупную мужскую фигуру – длинный черный плащ, большие руки и огромный двуручный меч, отведенный в сторону для удара.

Это был ее шанс спастись, и, не дожидаясь развязки, девочка кинулась прочь, в надежде поскорее скрыться в лабиринтах городских улиц.

Позади завизжали и затихли собаки, черный человек расправился и с ними; девочка обогнула еще несколько домов, и снова упала: от усталости ноги плохо ее слушались.

Как по волшебству, как в страшной сказке, из-за туч выглянула луна, беглянка оглянулась по сторонам, и вдруг поняла, что не может дышать – слева и справа от нее штабелями лежали тела казненных утром горожан.

По мостовой гулко отдавались чьи-то неторопливые шаги. Эльза отползла и спряталась за телом обезглавленного воина. Луна на секунду скрылась, а когда появилась снова, то осветила склонившийся над мертвыми телами знакомый силуэт. «Он хочет запомнить их, чтобы потом узнать в мире мертвых, назвать место смерти и сделать своими рабами» – решила она.

Эльзе казалось, она чувствует исходящее от него зло.

«Черный человек спас мне жизнь, – думала она, – но если он служит демону затмения, о котором рассказывала мама, то за эту слугу он потребует мою душу».

Человек призрак медленно двигался в ее сторону; под капюшоном Эльза не видела его лица, и чем ближе подходил, тем больше уверялась, что лица у него нет вовсе.

Он посмотрел прямо на нее, когда из темноты послышался крик:

– Ведьма! Девченка убила наших собак!

– Она не могла далеко уйти! Она прячется среди мертвых! Проверьте этих! И тех, за домом!

Призрак оглянулся в их сторону, не спеша шагнул в тень, и будто растворился в темноте. Как раз вовремя, еще несколько секунд и солдаты схватили бы девочку.

– Вон она!

– Вон она! – кричали они, когда Эльза вскочила, и, перепрыгивая через покойников, метнулась к кустам орешника, начинающих большой ореховый парк.

Эльзе не пришлось стучать в большую дубовую дверь библиотеки, старый архивариус давно услышал шум на улице, и ждал ее на пороге. Девочка запрыгнула внутрь и обессилено рухнула на мраморный пол. Рурк поспешно закрыл дверь на крепкий металлический засов, и, склоняясь над Эльзой, провел дряблой рукой по белым растрепанным кудрям.

– Нельзя... нельзя здесь оставаться девочка...

– Я устала, – плача, прошептала она.

– Я знаю, знаю маленькая... Но ты же сильная девочка... Ты сможешь... Надо бежать...

– Он попробовал ее поднять, но Эльза не хотела вставать, а его сил не хватило даже на то, чтобы сдвинуть ее с места.

– Я больше не могу... Не могу!.. Они всех убили... Маму, сестру... Всех убили...

– Я знаю, – печально выдохнул старик. – Тебе надо бежать Эльза. Ты сможешь выбраться отсюда. Ты справишься. Ты будешь жить, только надо бежать, слышишь, надо бежать...

– Я пробовала... Я не могу... И я не хочу...

В дверь забарабанили сразу в несколько рук и ног.

– Открывай!

– Открывай! – требовательно заорали снаружи.

- Смерть ждет псов Киграха, их детей и всех кто им помогает!
- Открывайте, если хотите жить!

Эльза попробовала подняться; Рурк обхватил ее грудь и помог встать на колени, а потом на ноги.

– Дверь они не сломают, но легко заберутся через окна, – сказал он. – Помнишь тайную дверь за шкафом в темном зале? Не смотри на меня так, я знаю, ты пыталась ее открыть...

Эльза опустив взгляд, виновато затрясла головой.

– Помнишь Легенду о влюбленной смерти? Не отпирайся, я не буду тебя ругать. Помнишь, где лежит книга?

– Я только две странички прочитала, – всхлипнула Эльза.

– А говорила, что не трогала, – усмехнулся старик. – Прямо над ней книга мертвых и живых трав – запомнила? В той, что слева от нее ключ от двери...

– Тащите лестницу сюда! – закричали на улице, и через несколько секунд большое окно слева от двери разбилось; верхняя, зажатая между двумя продольными досками ступень заглянула внутрь.

– Беги! – крикнул старик, вложил в руку девочки огниво, и подтолкнул в спину. Эльза добежала до коридора, ведущего в подвал, и остановилась.

– Ты говорил, что откроешь мне эту комнату, только если я буду слушаться, – сказала она с грустью.

– Это не комната! – ответил он, и улыбнулся. – Я тебя обманул. Это тайный выход из архива. Ты выйдешь прямо на берег озера.

– А дальше?!

– Судьба подскажет.

– Прости меня Рурк, – сказала она.

Архивариус махнул ей на прощанье.

Она спустилась в подвал, первым делом сняла со стены факел и зажгла его; старик, взглянув на девочку в последний раз, закрыл дверь и повесил сверху массивный ржавый замок.

Эльза быстро нашла ключ, легко открыла дверь, но закрыть снова не получилось. Старая задвижка совсем заржавела, ее заклинило. Возиться с ней времени не было. Преследователи были уже внутри библиотеки. Эльза слышала матерную ругань солдат и воинственные крики старика. Рурк вдруг вскрикнул и затих; только сейчас беглянка поняла, как опрометчиво поступила, приведя сюда убийц.

«Почему я решила, что они его не тронут?» – упрекнула она себя, но теперь думать об этом было поздно: солдаты стали сбивать замок – последнее препятствие на их пути.

Старый архивариус давно не ходил по тайному туннелю, и забыл, что через сто метров он раздваивается, и лишь один путь ведет на волю, а другой заканчивается тупиком.

Эльза не задерживалась у развилки, она была уверена, что оба коридора выведут наверх, и смело забрала вправо. Зачем-то стала считать шаги, и на пятидесятом ее вдруг охватило сомнение. Она больше не чувствовала сквозняка, пламя факела горело ровно, и колебалось только от ее дыхания.

Девочка оглянулась, и увидела свои следы на каменном запыленном полу. Решила, что еще успеет вернуться, но эхо вдруг донесло нервные мужские голоса, скрежет метала и топот приближающихся шагов. Солдаты были уже здесь. Выбора больше не оставалось, только идти вперед.

Она пыталась двигаться тихо, и как можно быстрее, но шум усиливался, речь становилась отчетливой: она уже могла разобрать некоторые слова.

Факел начал гаснуть, но впереди Эльза увидела что-то белое, окрыленная надеждой, прибавила шаг, но неожиданно для себя самой вскрикнула, и выронила огонь. «Тупик» – как при-

говор, пронеслось у нее в голове. Девочка вытянула руку и коснулась холодной, выбеленной известью стены.

– Она пошла сюда, – услышала девочка то ли впереди, то ли позади себя, и, упав на колени, прижавшись щекой к предательской стене тихо, обреченно заплакала.

– Да, вот ее следы.

– Али, не ходи туда, вернись! Вот ее следы.

– Может эти норы соединяются дальше? Она может пройти по кругу и выйти у нас за спиной.

– Эй кто там?! Кто здесь? Стой! Стой!..

Страшный, душераздирающий крик, в поисках выхода понесся по тоннелю. Раздался лязг металла, застонал, забулькал, захрипел невидимый подземный зверь.

– Сюда! Сюда!.. – закричал кто-то отчаянно.

– Помогите!

«Асарапш, – прошептала Эльза дрожащими солеными губами. – Подземный медведь пришел за ними, и за мной. Никто не спасется...»

Вдруг стало тихо, так тихо, что Эльза слышала, как шипит тлеющий факел, когда на него капают ее слезы. Эльза боялась темноты, об этом знали все домашние, и ночами в ее комнате всегда горели свечи, и няня, старая Тиана, по ее просьбе следила, чтобы до рассвета они не гасли.

Еще в пять лет она прочитала сказку о старике, который смотрел из темноты, заставлял часто-часто биться детские сердца, воруя годы их жизни, чтобы продлить свою. В той сказке старика убил благородный томен Лирик, но в этом Эльза сильно сомневалась. Каждый раз, пытаясь уснуть, ей казалось, что морщинистое лицо, белое, с черными дырами вместо глаз, склонялось над ней.

Эльза вспомнила о старике, и сквозь слезы улыбнулась самой себе: то что происходило с ней сейчас было страшнее, гораздо страшнее, немощного, и может быть не такого уж и злого духа.

Стало так темно, что она не увидела своих рук. Показалось, кто-то дыхнул в лицо, но смысленная девочка догадалась, что это тепло от еще не остывшего факела. А потом послышались шаги – тяжелые, уверенные и немного скрипучие. Протяжно звякнул металл, донесся шелест плаща.

«Остался только один, – поняла Эльза, – и он не из тех солдат, которые гнались за мной. Те гремели шпорами, бежали быстро, и...»

Она вдруг вспомнила обезглавленных людей, полную луну, и черного призрака склонившегося над окоченевшим трупом. – Не может быть... Только не это...»

Но не успела опомниться, как он появился из темноты – большой, безликий, мрачный. В руке мерцал факел, освещая темный силуэт, окровавленный меч и блестящие перчатки, с обрубленной по пальцы кожей.

Призрак шел на Эльзу и свет от его факела становился все ярче; скоро его огонь нашел ее, и «посланник тьмы» остановился.

Какое-то время они молча разглядывали друг друга. Подсвечивая себе, призрак опустил факел, и Эльза вскрикнула, когда увидела то, что скрывалось под тенью глубокого капюшона. Но крик ее был скорее инерционным, и оборвался едва начавшись.

Все-таки это был человек. Лицо его было сердитым, недоверчивым и даже злым – но все-таки это было лицо, а не мертвящая призрачная пустота.

– Тебя зовут Эльза? – спросил он, интонацией человека, который знает ответ на свой вопрос.

Эльза, посмотрела на него снизу вверх, всхлипнула, и вытирая слезы со щек, несколько раз кивнула.

– Твой отец Тагран, военный советник и личный телохранитель владыки Киграха?
Эльза еле заметно кивнула еще несколько раз.

– Ты родилась восемь лет назад, в первую ночь зимы, в свете живой кометы, так?
Мама рассказывала ей что-то о ночи падающих звезд, но в ту ночь родилось много детей, и никто из близких, даже старик Рурк, не предавали этому большого значения.

Эльза пожала плечами, и в знак согласия, еще раз неуверенно качнула головой.

Мужчина в плаще размашистым движением засунул свой меч в огромные ножны, достающие аж до самой земли, шагнул к Эльзе, и протянул широкую, обтянутую кожаной перчаткой руку.

– Эльза из мира Голубых озер, дочь Таграна, рожденная в свете живой кометы, ты пойдешь со мной.

И была долгая дорога. Была пустыня, бесконечные поля, и скрытые гигантскими деревьями холмы.

Они ехали на телеге запряженной двумя измученными крестьянскими лошадами. Когда подъезжали ромулские посты, Эльза пряталась за мешками в конце телеги. Их никогда не обыскивали. Человек, который спас ее протягивал солдатам какой-то свиток, откидывал плащ, и, закатывая рукав, показывал метку на своем плече. Этот жест имел какое-то магическое свойство, их пропускали сразу, не задавая лишних вопросов.

Имени своего спасителя, кто он, и куда везет ее, Эльза так и не узнала. С тех пор, как взяла его за руку, и пошла рядом, он не сказал ни слова.

Мир Эльзы остался позади, растаяли ромулские горы, и энтайские равнины, под скрип колес пели редкие птицы в кашнийских лесах, и стонали рабы, таща через болота бревна на амиранские верфи.

Появлялись и исчезали новые миры. Их останавливали еще много раз, и всегда это заканчивалось одинаково, и Эльза не переставала удивляться – никто не смел задерживать их волшебной скрипучей повозки.

Они ехали так долго, что Эльза ни раз успела погрузиться о близких, и даже немножко забыть о пережитом горе. Подолгу молчать она не привыкла, и каждый вечер, сидя у костра рассказывала своему спутнику какую-нибудь длинную, страшную, как ей казалось, сказку. Сначала он относился с подозрением к этой ее прихоти, но со временем привык, и даже ждал вечера, чтобы улечься на солому, и, разглядывая пламя выслушать очередную наивную, сентиментальную историю. Иногда ее рассказ прерывался резким заячьим визгом; Эльза всегда вздрагивала и расстраивалась; и тем не менее это означало, что у них будет обед. Заячьи ловушки срабатывали не каждую ночь, как-то неделю они ели только солонину и оставленный лошадям овес.

Через две недели пути Эльза перестала прятаться за мешками, и в первый раз увидела знак на плече у своего спутника. Ни огненных мечей, ни разинутой львиной пасти, ни даже медвежьей лапы, как было у отца, а всего-навсего подсолнух. Это очень разочаровало девочку. «Меня выкрал орден каких-то диких фермеров, – думала она. – Этого еще не хватало. Меня везут, чтоб придать в жертву какому-нибудь духу бобового урожая».

– А что означает подсолнух? – спросила она, но как всегда ничего не услышала в ответ. – Подсолнух ничего хорошего обозначать не может. Это знак какого-то ордена, но это не древний орден, – размышляла она вслух. – Если бы он был древний, я бы о нем читала. Зря ты выбрал подсолнух. Вот я читала про кассонов, они клеймили себя трезубцами. Они могли заставить любого владыку начать войну, приказывали наступать или сдаваться; могли посадить на трон томена из чужого Мира, а потом заставить слезть с него. У них было много власти в западных землях.

А еще были сновы, они придумали закон для пиратов Бескрайнего моря, и ему подчинялись все. Пираты отдавали им часть добычи, а сновы решали все их споры, и наказывали отступников.

А еще раньше жили пиапы. Они были злыми и на их плечах аж до костей были выжжены черепа. Они тоже жили на западе. Они следили за чистотой крови и убивали инородцев и арудеев, которые расселились по их городам, и прятались среди местных. Западные владыки веками тайно платили пиапам, за их черную работу.

А что делаете вы? Сжигаете пшеницу, и сажаете везде подсолнухи? Хотите, чтобы земля стала желтой, как солнце? Что вы делаете? Зачем я вам? Все дело в светлых волосах? Вы делаете из светловолосых девочек удобрения для своих желтых полей?..

А может так, – продолжала размышлять Эльза, – подсолнухи воруют свет, и по корням передают тепло в темный мир, чтоб не замерзли драконы. Если вы слуги тьмы, тогда надо было выжечь на плече драконью голову, и вас бы все боялись. Но я не думаю, что ты служишь тьме. Слуги тьмы не едят кроликов. Если бы ты ел что-нибудь большое и сырое, тогда да... Но если все-таки ты знаешься с темными духами, попроси у них оленя, или зубра... Хотя нет, зубр это слишком. Говорят, тот кто убьет зубра, в следующей жизни сам станет зубром. Так писали древние тикасы. Они говорили, что в свете солнца все справедливо. И не страшно, если ты кого-то зарубишь топором, потому что в другой жизни, тебя тоже зарубят топором. И не надо стараться жить честно или не честно. Духи все равно сделают так, как надо им. И если ты подстрелил утку – не хвастайся, а если промахнулся – не оправдывайся и не извиняйся. Нам только кажется, что мы имеем власть над своими поступками. Мы думаем, что живем по совести, или поступаем не справедливо, но на самом деле просто шагаем по протоптанной дорожке; мы всего лишь делаем то, что предназначено.

На это молчаливый спутник Эльзы ухмыльнулся, покачал головой, и как обычно ничего не ответил. Девочка говорила то, что когда-то прочитала. «Она еще слишком мала, чтобы всерьез задумываться о таких вещах, – понимал он, – и еще не раз спросит себя: как же поступать самой: грести к берегу, или отдаться на милость течения».

Были сумерки, ветер гнал в их сторону тучи, а за тучами, след в след торопилась ночь, как охотничий пес бежит за утомленным погоней всадником. Костер разгорелся. Уставшие путники, сидели один напротив другого, разглядывая языки пламени.

Эльза на секунду замолчала, пытаясь вспомнить с чего начала. Подумала о еде и вспомнила.

– Знаешь, оленя тоже не проси, – сказала она. – Они красивые, жалко их, да и все равно ты промахнешься. Как тогда на реке, помнишь? Хотел убить бобра, а потом пришлось плыть за стрелами на другой берег. И из пяти нашел только три. Попроси лучше у них овса – лошадам есть уже нечего. Они бедненькие так устают за весь день. – Эльза посмотрела на привязанных к кустам лошадей, и поправила веткой палки в костре. – Когда-то люди и лошади были друзьями, но эта дружба принесла им только горе. Однажды с неба в море стали падать огромные камни. Большие как солнце, только черные, и море вышло из берегов. Люди решили подняться в горы. Они стали собирать свои пожитки в большие телеги. Они доверху их набили мечами, коврами, свиньями, наковальнями и рыбацкими сетями, а сверху посадили своих детей.

Никто не смог сдвинуть свою телегу с места, тогда они попросили своих друзей лошадей. «Отвезите нас совсем не далеко, – сказали они. – Вон до того горного уступа. А за это мы отдадим вам свои крылья».

«Нам не нужны крылья, – ответили лошади. – Отдайте их птицам. Мы отвезем вас, только пообещайте, что распряжете нас потом».

Люди пообещали, и лошади их отвезли. А потом вода поднялась еще, и они снова попросили лошадей: «Отвезите нас еще выше, а за это мы отдадим вам свою красоту»

«Отдайте красоту цветам, – ответили лошади, – а мы отвезем вас за так. Только пообещайте что потом распряжете нас». Люди пообещали, и лошади снова помогли им. И снова поднялась вода. И снова люди просили лошадей. Свою силу люди отдали львам, бесстрашие отдали драконам, а звездам досталось их счастье.

До вершины осталось рукой подать, море наступало, а у людей больше ничего не осталось.

«Бросайте свои пожитки и идите пешком» – сказали лошади.

«У нас еще осталась наша совесть, – ответили люди. – Возьмите ее».

А лошади подумали: «совесть это хорошо». И взяли себе их совесть. Когда люди оказались на вершине, море отступило. Но люди не отпустили лошадей, потому что совести у них больше не было. За свои мечи, за ковры и за свиней люди заплатили огромную цену.

Лошади за свою доверчивость отдали свободу. Люди за свою жадность отдали все.

И были еще вечера, трещали ветки в костре, а Эльза все рассказывала про бедняков на которых обрушилось богатство, про влюбленных, которые ради любви, свергали богов, рассказывала про то как владыки дарили золотые дома оклеветанным воинам, а предателей за измены карали смертью. Но эти рассказы ей самой уже не казались, такими ярки и честными, как раньше. «Что-то случилось со справедливостью, и благами, которые она должна нести всем, кто в нее верит, – думала Эльза, вспоминая свой дом, и семью».

– Счастье не долговечно, – сказала она в последний вечер, прервав свою последнюю сказку на середине. Ее спутник удивленно вскинул брови, но удивление быстро сменилось сочувствием. – Счастье, часто обходит стороной тех, кто его по-настоящему заслуживает, – добавила она, и больше не проронила ни слова.

К обеду следующего дня они пересекли границу всем известной, прославленной своим богатством Таруки, а к вечеру были в Аккарее – ее небольшом приморском городке. Там Эльза и ее молчаливый спаситель расстались. Он посадил ее на торговый корабль, который направлялся в Харпу.

«Хозяин ветра» – так называлась именуемая кораблем посудина – скрипучая, неповоротливая, с залатанными парусами, и прогнившими досками на палубе; на ней Эльзе предстояло провести еще ни одну неделю своего долгого, утомительного пути в неизвестность.

– Тебя встретят, – прощаясь, произнес ее спутник, впервые после месяца молчания. – Скоро ты увидишь свой новый дом. На корабле у тебя будет постель и еда. Помощника капитана зовут Амади, если что-то понадобится, обращайся к нему.

– А разве ты не поплывешь со мной? – удивилась Эльза.

Он отрицательно покачал головой.

Подсолнух тоже пьет воду, но здесь ее слишком много. Нам сюда нельзя.

– Ты бросаешь меня.

– Сновы не пустят меня. Мой черный плащ слишком заметен. В нем меня никогда не теряют из виду друзья, но и у врагов есть глаза. Сновы уже знают, что я здесь. Мы ведь не хотим лишней крови?..

– Древний морской орден, который исчез шесть веков назад, – с недоверием произнесла Эльза. – Я помню, я читала, и старый Рурк рассказывал мне: Ротрики единовластно правили Пятигорьем тысячу лет. Они объявили сновов вне закона. Их запретили, и орден распался.

– Ротрики их не разрешали, чтобы запрещать, – улыбнулся он. – И не забывай, Пятигорье больше не единый мир. Ротрики слабы, они получили не самый большой, и не самый вкусный кусок от этого пирога. Сегодня Харпа, а не Схала, господствует над Мирами Пятигорья.

Эльза посмотрела на корабль, и ей снова стало одиноко, и показалось, что она снова бежит по бесконечному черному тоннелю, и за ней, выкрикивая ругательства, гонятся солдаты. По щеке девочки покатила слеза.

– Ты так и не скажешь мне, как тебя зовут?

– У нас нет имени.

– Но ведь тебя как-то звали в детстве?

Он отрицательно покачал головой, коснулся рукой ее плеча:

– Когда-то меня звали Атоль, но это уже ничего не значит. Прощай Эльза из мира голубых озер, рожденная в свете живой кометы. Не падай духом. Боги благоволят тебе.

Глава 8

Корабль отплыл поздно ночью. В распоряжении Эльзы была каюта с десятью спальными полками, которые возвышались одна над другой вдоль двух стен. Полки складывались, и тогда на нижних можно было сидеть. Под утро помощник капитана, привел в каюту еще двух мальчиков.

Эльза проснулась и долго не могла понять где находится. С соседней полки на нее смотрели настороженные, одетые в зимние шубы, и меховые шапки существа.

– Вы кто? – удивленно спросила девочка.

– Тот, что слева Нирон, а этот справа Акрон, – донеслось со стороны двери.

Эльза подняла голову, и протерла глаза. Перед ней стояла девочка, каких она никогда раньше не видела. У нее были невероятно большие черные глаза, и необычный кофейный цвет кожи. Она даже подумала, что может быть эта девочка больна, но кроме цвета кожи ничто не выдавало ее недугов. Скорее наоборот, она выглядела крепкой и уверенной в себе.

– Я Акха, – сказа гостя, и, не спрашивая разрешения села напротив Эльзы, рядом с Акроном. – Не бойся, я ни чем не болею, – добавила она. – Да, я чуть-чуть отличаюсь от других. Говорят, такие красавицы живут на Пещаных островах Бескрайнего моря. Это очень далеко. Так далеко, что даже я там не бывала. – Она улыбнулась.

Эльза ответила тем же. Акха действительно была красивой, и многим похожей на нее, и формой лица, и белоснежной улыбкой, и даже волосы у нее густые и вьющиеся, только черные.

– А меня зовут...

– Эльза, – перебила ее Акха. – Тебя зовут Эльза. Подумай о чем-нибудь, – предложила она.

– О чем?

– Чего тебе хочется?

– Хорошо, – сказала Эльза и задумалась.

– Шоколад? – спросила Акха.

Эльза удивилась, она действительно подумала о шоколаде.

– А я ела только один раз, – сказа Акха. – Мне не понравилась. Откуда ты? Хм... Голубые озера, – сказа она, наблюдая за реакцией собеседницы. – Это, наверное, очень красиво, но я никогда о них не слышала. Может, ты специально думаешь не правду? Я ведь все равно узнаю. Подумай о том, что тебе дорого. О чем жалеешь?

– О чем жалею... Зачем тебе?

– Я могу спросить человека, он не ответит, а я все равно узнаю. Вот ты не сказала, о чем жалеешь, а сама подумала, что зря оставила маму и сестер. А теперь подумала об отце.

– Как ты это делаешь? – спросила Эльза.

Акха перестала улыбаться, она закусила губу, раздумывая, говорить дальше или нет.

– Тот высокий человек в черном плаще, который провожал тебя сегодня, не сказал тебе всей правды, – все-таки предупредила она.

– Что он мне не сказал?

Акха поднялась со своей полки, подошла к Эльзе и присев рядом, пристально заглянула в глаза.

– Он знает, что ты рождена в свете живой кометы.

– И что?

– В первый день зимы, – добавила Акха, и взглядом показала на братьев. – Они тоже... И я может быть... Только двумя годами раньше, во второй звездопад. И еще... Наверное я тебе все-таки скажу. Тот, кто привел тебя, что-то знал о твоём отце. Что-то плохое. Он даже хотел что-то рассказать, но передумал.

– А что именно? – спросила Эльза. Акха пожала плечами. Эльзу такой половинчатый ответ не удовлетворил. Ей показалось, что Акха что-то недоговаривает; она разозлилась.

– Его убили?

Акха снова пожала плечами.

– Сначала говоришь, что все знаешь, а потом оказывается, что не знаешь ничего, – выпалила Эльза от обиды. – Только хвастаешься и вынюхиваешь. «О чем думаешь, о чем жалеешь...» А сама-то о чем жалеешь? – спросила она с вызовом.

Акха почесала голову.

– Волосы жалко. Вши заели; на лысо придется бриться.

Первый день пути.

Рано на рассвете Мальвин и Паттан Снова отправились на поиски пропавших. Через несколько часов они вернулись, ведя за собой прихрамывающую, с глубокими царапинами на шее и крупе лошадь Валарана.

Эрл Леман и трое оставшихся в лагере воинов собирались в дорогу, они складывали палатки, и готовили одну из двух оставшихся повозок для перевозки детей. Все дети, кроме Эльзы еще спали, и эрл, не желая их будить, руководил этим не сложным процессом вполголоса.

– Куда вы положили хлеб, и сушеную рыбу?

– Во вторую повозку эрл, – отвечали ему. – И лук там, и бобы...

– А я куда сказал?

– Во вторую эрл.

– Нет, я сказал котел бросить во вторую, а провиант надо положить в первую. В первой не намокнет. Мы поставим навес. В этой телеге тарийцы возили своих духовных отцов. Эти рыхлые изнеженные шарлатаны начинают хныкать, когда их толстые задницы мокнут от дождя, или потеют от солнца. И этим, они очень похожи на тебя, Чиар. Где дуги?

– Во второй на дне. Вы же сказали положить...

– Нет Чиар, я сказал отложить. Убрать в сторону, как это делает, твоя жена с кувшином вина, когда ты пьяный тянешься за ним через весь стол. Доставай.

– Алесийский владыка Тибус пил очень много вина, – сказала Эльза. Она сидел не далеко, на ветке склонившегося к земле дерева, и, покачиваясь на ней, наблюдала за суетой вокруг телег.

– Ну и что? – недовольно спросил у нее Чиар.

– Тибус любил вино, и жестокие шутки своего шута. После победы над Урами, он собрал тысячу самых отчаянных пьянчуг со всей Алесии, и пил с ними целый месяц. И продолжал бы, но складской смотритель объявил, что погреба их пусты, и пусты давно. Они выпили все вино на двадцать кругов вокруг.

Страшная жажда охватила Тибуса. Он умолял принести ему хотя бы один кубок, но никто не мог помочь. Смотритель, обещал, что вино привезут с минуты на минуту, но у пьянчуг, тоже была жажда, и они ограбили обоз на подходе к городу. Пьяница владыка сходил с ума, он кричал и грозился сбросить всех своих слуг с башни. Тогда к нему подошел шут, и сказал, что на черный день у него припрятан бочонок, но у него есть глупая шутовская мечта: он хочет стать на минуту владыкой. И он будет владыкой до тех пор, пока Тибус ни выпьет все вино из его бочонка (не проливая ни капли).

Владыка согласился, и получил свое вино, а шут приказал позвать палача, и отрубить владыке голову.

Пока палач точил топор, Тибус выдул полбочонка. Выпил еще немного, пока палач поднимался по лестнице, но больше в него не лезло. Все это время шут скакал вокруг, стучал ребром ладони по его шее, и спрашивал: «Оставить больше, или меньше? Вот так, или вот так?..»

Живот Тибуса надулся, лицо посинело, а глаза стали большими и белыми как блюдца. Когда палач распахнул двери тронного зала, желудок Тибуса лопнул, владыка упал, и кровавое вино пошло обратно. Вино утолило жажду ненасытного Тибуса, но погубило его... А шута потом казнили. Он клялся, что не хотел убивать владыку, просто шутка затянулась.

Чиар слушал, неторопливо вытягивая из телеги тарийские шлемы, кольчуги и копья.

– Мало я выслушивал от своей жены, – пожаловался он Леману. – Но даже моя сварливая старуха, никогда не грозила мне смертью.

– Я не угрожаю, – сказала Эльза. – Я просто вспомнила историю. Я знаю много историй. Хотите я расскажу про плотника Силина, который пропил жену и детей, зарезал мать, а потом прыгнул с горы вниз головой.

Чиар делал вид, что не замечает Эльзы.

– Эрл Леман, эти дети погубят нас: сведут с ума, отравят или утопят. Двое вчера уже пытались.

– Не разочаровывай меня, – ответил эрл. – Чиар бесстрашный, герой, который бросил вызов целому войску, не может испугаться маленькой девочки.

Два других война, поднося к телеге тяжелую скрученную палатку, хохотнули.

– Да, – не замечая иронии в словах эрла, произнес Чиар. – Теперь они смеются. Пока я точил свой меч, отливал щит и наконечники для копий, мои братья тупили перья, ставя подписи на предательском мирном договоре. Атгары до сих пор смеются над этими трусами, а они, пряча стыд, смеются надомной. Я приехал биться насмерть. Мой боевой конь хрипел от гнева, и рыл копытами землю. От злости я так сжимал меч, что чуть не сплющил кулаком рукоятку. Не было во мне столько силы ни до ни после. Глаза искрились, а из ноздрей валил пар. Ни мои братья, ни подлые Атгары, так и не появились.

– Откуда валил пар? – спросил один из солдат.

Чиар отмахнулся.

– А говорили, что ты просто проспал, – сказал Эрл.

– Нет, это они пришли раньше, чтоб подписать свой позорный договор. Я был против. Атгары рубили наш лес, и пасли скот на наших полях. Испокон веков праотцы наказывали смертью всех, кто притязал на наши земли.

– Но тот спор был не из-за ваших, а из-за их полей. И как это ты собирался убивать Атгаров, они такие же подданные владыки Эмистана, как и ты, и твои братья. Ты знаешь, чем грозят вам такие стычки?

– Продажный народ, они не с нами, они с теми, кто сильнее. За пятьдесят лет они успели полежать под Ротриками, Чуркелями, Адриями и Натиями. Кто только ни лапал эту потасканную Атгарию. Они не с нами...

– Они платят налоги. Ими правит харпский наместник.

– Пока да...

– Вернулись! – сказала Эльза, когда из-за поворота показались Паттан и Мальвин.

Всадники задержались. Увидев вдалеке людей, израненная лошадь Валарана как сбесилась: попятилась, а потом рванула с такой силой, что чуть не стащила Паттана с его коня.

Чтобы немного утихомирить агрессивное животное, всадникам пришлось спешиться и, накинув на глаза тряпку, вдвоем повиснуть у нее на шее.

Когда они были в лагере, солдаты и проснувшиеся, от лошадиного ржания дети, долго и с опаской рассматривали вдруг одичавшее животное, и рваные раны на его теле.

– Что, никого? – спросил Леман у Паттана.

– Только лошадь Валарана, – ответил он. – Мы нашли ее у Черного леса. Зацепилась стремением за кусты, а так бы не догнали. Не знаю, что могло случиться. Может быть, на них напали какие-нибудь, отколовшиеся от основного отряда тарийцы.

– Мы всех убили – возразил Мальвин.

Паттан дернул плечом.

– Может, простые грабители. Может их поджидали дружки этого Аклюса... Одно ясно – Валаран никогда не оставил бы лошадь. Надеюсь только на то, что...

– На что? – поторопил его эрл.

– Они были хорошими войнами эрл Леман. Надеюсь Бог войны возьмет их стражниками в Замок Великих. Они не хуже других смогут охранять могучих властелинов прошлого.

– Понятно, – угрюмо произнес Леман. – А что с лошадыю?

– Всю дорогу упиралась, не хотела идти, – ответил Мальвин. – Лягается, молчуну (так он называл Паттана), чуть руку не прокусила. Очень странно ведет себя. Что-то очень сильно ее испугало.

– Может, на них волки напали? – предположил Чиар.

– С волками они бы справились. Как-то зимой на Тиаса напала стая. Он убил пять штук. А эту лошадь скорей всего покусали дикие собаки. Тут их сейчас много развелось. Сзади вообще клочок мяса вырвали. Точно собаки...

– Я ни одной не видел, – сказал Чиар.

– А я видел несколько. Ты же слышишь, как они воют по ночам.

– Я не знаю, что это воет по ночам, – недоверчиво произнес Чиар. – Я не люблю эти ночи, мне не нравится эта лошадь, и мне очень хочется поскорей убраться отсюда.

Акха подошла к лошади, осторожно протянула руку и сбросила с ее глаз повязку; лошадь фыркнула, клацнула зубами возле ее пальцев и лягнула копытом; девочка еле успела отпрыгнуть.

– Не надо к ней подходить, – предупредил Чиар, но Акха и сама уже все поняла. – Какой неприятный, не хороший у нее взгляд, – морщась, произнес он.

– Хищный, – с улыбкой сказала Акха. – Она скалится как собака. У нас на корабле полгода жила такая же рыжая сука. Она хотела съесть мою крысу и я ее толкнула, тогда она укусила меня за ляжку... Вот сюда. – Акха показала на свою заднюю часть, там, где ляжка как раз заканчивалась. – А когда мы попали в штить, то слопали ее. Мою крысу тоже схрумкали, – печально добавила она.

– Можешь сказать, о чем думает эта лошадь? – с усмешкой спросил Леман.

– Конечно могу! Она хочет есть.

– Думаешь, пожует травы – успокоится?

– Травы? Не-е-ет. Она хочет пожевать вон его. – Акха показала рукой на Чиара.

– Меня? – испугался он. – Почему именно меня?

– Потому что ты из всех самый толстый. Смотри как она на тебя пялится, глаз не сводит.

– Хочешь сказать, что прочитала ее мысли, – тихо, так, что больше никто не услышал, спросил эрл.

– У лошадей нет мыслей эрл Леман, – назидательно сказала она. – Я догадалась. Мне просто так показалось. Так же как вам, этому забавному толстячку и всем остальным. Я бы отпустила ее. Она больная, в упряжке все равно не пойдет, а сама может быть еще и поправится.

Соглашаясь с ней, эрл несколько раз покачал головой, потом обратился к самому старому из своих воинов.

– Грэй, ты обещал накормить нас супом перед дорогой.

– Все готово, эрл, – ответил он. – Вы не видели какую шуку я поймал утром. Выше по течению река сужается, там их столько в коряжнике... Я опускаю клинок в воду, и играю им на солнце. Они подплывают, а у меня в руках пика. Кажется, попасть легко, но тут надо умение...

– Хорошо-хорошо... Паттан отпусти лошадь, – приказал Леман. – Заканчивайте со сборами, – сказал остальным, – перекусим и в путь. Учтите, до Покинутых деревень останавливаться не будем. Чиар, ты нашел дуги?..

Акха подошла к патану и сочувственно покачала головой.

– Что, жалко отпускать? Валаран выставлял эту лошадь на бега, и всегда она приходила первой. Ему давали за нее три ромба, и он не продал, а тут отпустить. А помнишь, как ты рискнул и поставил на Серого атгара, а она его все равно обскакала....

– Откуда ты знаешь? – удивился Паттан.

– А мне и не надо знать. Достаточно того, что ты знаешь.

– Акха! – окликнул ее Леман. – Подойди ко мне, мне нужна твоя помощь.

– Вы поедете в этой телеге, – сказал он, когда она подошла. – Сейчас натянем навес от солнца, распутай-ка вот эту веревку. – Он вытащил из второй телеги, и вручил Акхе спутанный моток плетеной кожаной веревки. Затем взял девочку за руку, и наклонился к ее уху.

– А я думал, мы с тобой договорились, – прошептал он. – Никто не должен знать.

– Они итак уже все знают эрл Леман, – усмехнулась она. – Все они считают нас ведьмами и колдунами.

Эрлу это не понравилось; он с подозрением взглянул на стоящего не далеко Грэя.

– Здесь нет ничего страшного, – сказала Акха. – Я знаю, о чем они думают. Может быть, вы оставили не самых лучших рубак, но точно самых верных. Ваше слово для них закон. Каждый из них подумал: «Если эрл решил оставить проклятых, значит так надо». А я вот, если честно, не знаю надо ли? Зачем мы вам эрл?

– А куда вас девать?

– Отправили бы в какую-нибудь деревню, – сказала она, пристально вглядываясь в его глаза. – Я слышала вы платите крестьянам, которые дают приют сиротам по три цейлона в год.

– Хочешь жить в деревне?

– Эрл Леман, – с искренностью в голосе, сказала Акха. – Вы мне нравитесь, и поэтому я скажу вам правду. Всю свою жизнь я провела на кораблях. Не наберется и месяца, когда я была на суше. Торговцы продавали меня двадцать семь раз. Иногда продавали вместе с кораблем. Девочка, которая читает мысли, увеличивала его стоимость вдвое. Были жадные купцы, они плохо меня кормили, и капли воды в дождь им было для меня жалко. Были щедрые, они покупали мне дорогую одежду, угощали сушеным фруктами, халвой, а один даже подарил золотую брошь, но никто, никогда, ничего не делал для меня просто так. Люди, эрл Леман, ничего не делают просто так. Все хотят чего-то взамен. Чего-то для себя. Скажите честно, чего хотите вы?

Леман молча развел руками, и отрицательно покачал головой.

– Это правда? – спросила она.

Он кивнул.

Акха улыбнулась. Тогда мы друзья. Но если вы обманули меня, то бойтесь.

– У-у-ух, – шутя, испугался эрл. – Для себя мне от тебя ничего не нужно, – сказал он. – А если попрошу для других, помогать или нет, решишь сама. Ну что – друзья? – спросил эрл, протягивая ей раскрытую ладонь.

– Друзья, – ответила она, пожимая ему руку. – Друзья, которые не врут, правда?

– Правда, – ответил он.

– Почему я перестала слышать ваши мысли, эрл? – не отпуская его, спросила она. – Мы вышли из клетки, и с тех пор ничего, будто вы далеко-далеко, в круге, а может и двух.

– Не знаю, – ответил он, но это у него получилось как-то не убедительно. Эрл начал откашливаться и даже слегка покраснел.

Акха почувствовала неискренность; она медленно отпустила его пальцы; радость в глазах сменилась разочарованием, упреком.

– Я скажу вам, как другу, которым вы стали на минуту, – сказала она, демонстративно вытирая ладонь о рукав своей рубашки. – Ты хороший человек эрл Леман, но такой же лжец как и все.

Завтрак был необычным и плотным. Грэй, на которого легли обязанности повара накидал в свой

рыбный суп всего что попало под руку. В нем были бобы, картошка, рис и даже орехи. Эрл Леман выловил в нем финик, а Акха раздобыла сливовую косточку. Но несмотря на такое необычное наполнение, суп получился не плохим.

Ложек и мисок на всех не хватило, поэтому воины ели из общего котла. Дети получили свои миски, и, не раздумывая, принялись за завтрак, который, был так же их обедом, и возможно ужином. Только гордая арпийка Мия есть не стала. Взглянув, на свою ложку, она отложила ее в сторону и отвернулась.

– Что с ней? – недовольно спросил Грэй. – Не по вкусу угощение? Арпийцы едят изюм. Специально для нее бросил три жмени, пусть ест. У моей первой жены были арпийские корни. Как-то шли по рынку, увидела изюм, и говорит: купи мне. И мне тогда так захотелось ее порадовать. Тоже красавица была. Волосы черные... Да-а... очень изюм любила. Ведрами бы ела и не наелась. Да-а... Так и не купил ни разу, – Грэй печально цыкнул. – Дорогой.

– Почему ты не ешь? – спросил Леман у Мии. Он поднял миску и протянул ей. – Попробуй. На вкус это гораздо лучше, чем на вид. – Посмотрев в миску, добавил: – и тут даже плавают какой-то изюм... или не изюм?.. Грэй, что это черненькое?

– Думаю, это то что жило в изюме, – ответил повар. – Мне тоже попадалось. По вкусу то же самое.

– По вкусу то же самое, – повторил его слова Леман, и снова протянул миску девочке.

– Алакхунта ахуш, – сказала Эльза Мии, принимая миску вместо нее.

– Шагар аман, – ответила ей арпийка, и привычным движением скрестила на груди руки.

– Чего говорит? – спросил у Эльзы Грэй. – Ты предупреди ее, если не нравится, сама будет себе готовить. Шагар ей подавай. У нас тут такого не водится. Это у них там в каждой норе по две штуки.

– Шагар это ложка, – сказала Эльза.

Эламир взял Миину ложку, осмотрел придирчивым взглядом, потом поднялся, подошел к ведру, которым служил пень с вырубленной сердцевинкой, вымыл ее, и вернул арпийке.

Мия еще раз критически осмотрела ее, оберла о рукав, и, только после этого приступила к еде.

– Наверное, из знатных, – сказал Грэй Леману. – Воды на них не напасешься. Зачем мыть – вчера такой же суп ели? Что мне теперь, каждый раз для нее ложки мыть?

– Интересно, – заметил эрл. – А в клетке ее что, из отдельной посуды кормили?

– Это было в клетке, – сказал Эламир. – С той стороны решетки, мир выглядит немного иначе. Появляются новые привычки. Ты никому не желаешь доброго утра, не делишься едой, и спишь в одежде, чтоб не украли. Я быстро привык. К плохой еде, к холоду и недосыпанию. Но когда сбежал от Аклюса, к свободе, я привык еще быстрее.

Глава 9

Дикие земли это огромный, почти не тронутый человеком, сохранивший свою первозданную чистоту край. Из под конских копыт в полях то и дело вспархивают куропатки, в высокой траве и кустах мелькают олени рога, на лесных полянах пасутся дикие кони, в лесу визжат кабаны, а камыши в реках трещат и расходятся в стороны, когда между ними проплывают огромные, весом с хорошего барана, карпы.

Кто-то из воинов всегда скакал впереди отряда и разведывал местность. Разведчики постоянно менялись, и иногда даже эрл Леман брал на себя эту обязанность. Разбойники здесь вряд ли могли бы встретиться, ведь этой дорогой почти никто не пользовался, но в округе еще бродили где-то с полсотни мародеров, отколовшихся от тарийского войска.

Дети уже знали по именам всех воинов их не большого отряда, и пытались придумать клички тем, у кого их не было.

Здорового бородача Паттана звали молчаливым, и это прозвище подходило ему как нельзя лучше. Он постоянно с кем-нибудь разговаривал, а когда вдруг оказывался один, начинал что-то бормотать себе под нос.

Мальвина – длинного хмурого война, который обычно скакал позади колонны, называли волосатым, из-за большой плечи на голове. Эламиру показалось, что эта кличка никак не отображает его характера, и он предложил впредь именовать его «угрюмым».

Узнать про следующего кандидата вызвалась Эльза.

– Скажите благородный рыцарь, – спросила она у оказавшегося ближе всех Паттана молчаливого. – А этот толстенький, который правит первой повозкой... его зовут Чиар да?

– Просто Чиаром его давно уже никто не зовет, – будто ожидая вопроса, ответил он.

– А он действительно такой бесстрашный, как все говорят?

– О да! – подтвердил Паттан. – Число врагов для него никогда не имело значения. Он сам стоит тысячи. Атгары пугают его именем детей. Есть легенда. Однажды он шел по лесу и встретил тигра. Тигр шел по тропинке прямо на него. Ни топора, ни меча у бесстрашного Чиара тогда не было, но он твердо реши, что не уступит ему дорогу. Храбрость человека и сила зверя сошлись в невидимой схватке. Полдня они стояли, не отводя друг от друга глаз, а потом тигр исчез, растворился. С тех пор Чиар рычит по ночам, и дикие звери в лесу сходят с ума.

– Ночью он храпел как все, – с недоверием сказала Эльза. – Он мне не показался страшным.

– Скоро ты будешь бояться его, как все мы. Даже эрл Леман боится его. Когда рядом Чиар, эрл спит с мечом в руках, а вход в палатку сторожат десять лучших воинов. Однажды Чиар чихнул, и все они попадали с ног, а эрл в одних подштанниках выскочил на улицу, и...

– Молчаливый! – окликнул его Мальвин. – Ты молчал бы потише. Не приплетай в свои истории эрла. Твой язык, самый страшный твой враг. Бубни себе в бороду, и может быть, она спасет твою шею от меча.

– Да, – согласился Паттан. – Эрла не было. Это был не эрл. Это был. – Он задумался. – Это был сам владыка Эмистан.

– Вот глупый человек, – раздраженно бросил Мальвин. – Кто-то ведь запихнул в бычий череп мозги куропатки. Как ты дожил до своих лет? Чу-де-са, – протяну он. – Не слушай его девочка. Чиар стал бесстрашным, потому что родился в час самого долгого и страшного грома, какой только слышали уши смертных. С тех пор стоит ему появиться в какой-нибудь деревеньке и назвать свое имя, как у земельщиков начинают дрожать колени, а их жены ведьмы вскрывают себе вены, или бегут к реке топиться. Когда Чиар злится, можно услышать, как с края Земли доносятся отголоски грома.

– Вам не надоело трепаться?! – послышался сердитый голос Чиара со стороны первой повозки. Войны рассмеялись.

– О-о-о, – притворно испугался Паттан. – Похоже, он на вас разозлился, – сказал он детям. – Первый воин Сырой долины, кошмар сломленной духом Атгарии не любит, когда посторонние узнают о его страшных тайнах.

– Да, я бесстрашен! – крикнул Чиар. – У меня хватит смелости слезть с телеги и привязать язык какого-нибудь болтуна к хвосту его лошади!

– Ну вот, – пожаловался Паттан, – накликали вы на нас беду.

Войны снова загоготали.

– А ты веселый, – сказала Эльза Паттану. – Наверное он такой же бесстрашный как и ты молчаливый. Я знаю историю про одного веселого томена. Он тоже очень любил пошутить, но слишком поздно понял, что нет шуток, которые нравятся всем.

– Эта не та, в которой старший из сыновей подарил отцу перед смертью женское платье?

– Нет, никаких платьев там не было. А история была такой:

Томен Салам должен бы жениться на дочери владыки ниберии. Дочку звали прекрасная Амулена. Салам вел с ней долгую переписку и считал ее одной из самых умных и веселых девушек на свете. Амулена любила посмеяться, любила все новое и очень часто меняла своих шутов.

У томена тоже был шут. Когда Салам писал письма прекрасной Амулене, то всегда звал к себе шута, чтобы он помог ему придумать пару свежих шуток. Шут был остроумен и находчив, ему всегда было, что сказать, но Салам стал придирается к нему, потому что ему очень хотелось угодить своей невесте. И как-то он так разозлился, что даже пообещал высесть и прогнать несчастного острослова, если он будет придумывать такие не смешные шутки. «Зачем мне шут, если я сам шучу в тысячу раз лучше!» – кричал он.

«Я стараюсь, – оправдывался шут. – Вы стали слишком придиричивы милостивый томен Салам, и я уже боюсь предлагать что-то новое». Но деваться было некуда, и, не зная покоя, день за днем он придумывал шутки, которые могли бы прийтись по вкусу капризному томену. А Салам только и твердил: «Не смешно! Глупо! Не смешно! Глупо!..»

И вот в очередном письме прекрасная Амулена, какое совпадение, тоже пожаловалась на своего шута. «Его плоские остроги меня утомили, – писала она. – А так хочется чего-то нового!» И в конце письма она предложила поменяться шутами.

И тут же в голове у томена родился замечательный план: «Он отправится в далекую ниберию сам вместо своего шута. Он узнает свою невесту, поразит ее своим остроумием, и откроется ей под звонкий ручеек ее смеха».

Через несколько дней он отправился в путь, а через два месяца увидел свою прекрасную Амулену.

«Вы прекрасны» – сказа он ей, когда увидел. Салам бы поражен ее красотой, но слегка смущен холодным приемом.

«Не смешно, – сказала она, и потребовала: – Шути!»

Салам подумал и сказал: «Я мог бы приехать быстрее, но сидел задом наперед, и коня заставил ехать задом, чтобы он мог запомнить дорогу обратно».

«Это глупо, – сказа она, – и не смешно. Попробуй еще, только на этот раз постарайся».

Салам задумался, и сказал: «Мой хозяин как-то спросил, сколько потребуется конских хвостов, чтобы протянуть линию от нас к вам? Я так и не смог ему ответить. наших коней хватило только на полпути».

«Мда, – холодно произнесла Амулена. – Мы сделаем так, если ты еще раз не смешно пошутишь, я прикажу отрубить тебе палец. Шути! – властно потребовала она.

Саламу это не очень понравилось, он глотнул слюну, и произнес: «Мой конь любит овес, а я...»

«Опять конь! – прервала она его. – Палач! – крикнула она громко. – Руби».

Салам не мог поверить в то, что все это происходит на самом деле. В один миг его схватили за руку, и прижав ее к столу, отрубили большой палец на руке.

Салам взвыл от боли, и крикнул: «Как вы смеете?! Я Салам Карнир! Томен! Наследник чедирского трона! Будущий владыка!»

«Это не смешно! – крикнула Амулена. – Ты не смешной шут! Отрубите ему еще один палец!»

И ему отрубили еще один палец, на другой руке.

«Я томен! Я наследник!» – продолжал кричать он.

«А он настойчив, – сказала Амулена улыбувшись, – и он рассмешил меня, поэтому пальцы больше не трогайте. Но он назвался чужим именем, а у нас за это секут плетью. Высечь его! – приказа она».

Его высекли так сильно, что он не мог подняться, и будущей невесте пришлось подойти к нему самой.

«Шути!» – потребовала она.

От ужаса, и нестерпимых телесных страданий, ничего не шло на ум несчастного Салама. Он попробовал пошутить про находчивого Атана, который купил сто баранов по цене одного, но девушка только покачала головой.

«Руби!» – снова приказа она своему палачу.

За не смешную шутку про двух петухов Салама спустили в камеру пыток и повесили на дыбу над горящим огнем.

Ночью, когда Салам корчился от боли в углу своей камеры, Амулена пришла к нему, и снова сказала: «Шути!»

Салам пошутил про то как умная жена доказала мужу что он осел, и заставила идти жить к ослице. Девушке понравилась история, и в тот раз она ничего не сделала самозваному шуту.

Три дня и три ночи Салам больше не сомкнул глаз, он придумывал шутки. Какие-то нравились Амулене, какие-то нет.

Так или иначе, к концу третьего дня, у него осталось только три пальца на правой руке, и на ногах уже не хватало нескольких. И он бы истек кровью, но случилось чудо, его камеру забыли закрыть, и он смог сбежать. Почти полгода он добирался домой, но все-таки добрался.

Его ждало несколько писем от Амулены. Одно было грустным, в нем она жаловалась на неблагодарного шута, которого осмелился сбежать. А второе было веселым. Невеста забыла про шута и поделилась с женихом историей про сто баранов по цене одного, про жену, которая доказала мужу, что он осел и про двух смешных петухов.

Салам ценил шутки, но с этих не смеялся. Каждая из них отдавалась болью в пальцах, которых у него не было.

Он не отменил свадьбу, и дождался дня, когда прекрасная Амулена в приветственном поклоне, склонила перед ним голову. Всю ее свиту тут же перебили. Салам вышел из тени, и только тогда Амулена узнала его. «Шути» – приказал Салам, и приготовился слушать.

На этом Эльза закончила свой рассказ. Повозки свернули в поворот, и до чуткого детского слуха донесся гул водопада, нарастающий с каждой секундой.

– Водопад? – спросила она, и сама себе ответила: – Да. Проклятый Чипан хочет вернуть свою душу, и кричит, где спрятал золото. Боги не возвращают ему душу, они придумали водопады, чтобы заглушить его голос. Один пастух решил стать богатым, и долго, затаив дыхание, прислушивался...

– До водопада еще десять кругов, – не дал ей договорить Паттан, – не меньше. – Он остановил коня, убрал волосы с ушей, и вытянул шею, но ничего не услышал. – Это уже какая-то другая история, – сказал он. – Так что же случилось с этим Саламом и Амуленой?

– Амулена плохо шутила, – сказа Эльза, сочувственно качая головой, – и поэтому быстро умерла. Салам умер в глубокой старости. Говорят, он любил слушать своего шута. Но больше никогда не смеялся, и сам никогда не шутил.

Минуя темную дубовую рощу, опоясанные сталью колеса, неустанно хрустели, усыпавшими дорогу сухими ветками, и скопившимися в обеих колеях желудями. Земля кругом была перерыта; на еще не успевшем подсохнуть черноземе, виднелись свежие кабаньи следы.

– Здесь живут драконы, – сказала Эльза, показывая на них пальцем.

– Эти твари страшнее драконов, – ответил Паттан. – Как-то я помогал вдове Инге Картнер сажать картошку. Оставил мешки в поле, а сам пошел к ней в дом, ну там... помочь... передвинуть стол. Встаю утром, выхожу в поле, а там...

– Да врет он все, – прервал его Мальвин. – Картошку надумаешь сажать – меня зови. А этот тебе мешок вместо пяти продаст, и все на свиной спишет.

– Не слушай его, – стал оправдываться молчаливый. – Плохие люди о всех плохо думают.

– При-ва-ал! – донесся откуда-то спереди голос Лемана.

Повозки выехали на большую поляну, сплошь покрытую фиолетовым ковром, блестящего утренней росой клевера. С краю, возле дороги алым цветом пылали маки, ближе к центру, вокруг редких кустов шиповника, белые ромашки мешались с синими, как небо, васильками. А дальше была река, и вся она светилась желтыми, так похожими на ночные звезды, лилиями.

Телеги остановились, дети выглянули, и как зачарованные стали смотреть по сторонам.

Да, красиво, – согласилась Акха, с общим молчаливым восторгом. От такого буйства красок, даже у всегда сдержанной Мии, вспыхнули глаза. Она слезла первой, сорвала красный маковый бутон, воткнула его в волосы возле уха, и, придерживая рукой, мельком взглянула на Эламира. Он еле заметно улыбнулся ей и одобрительно кивнул. Мия сделала вид, что не заметила этого, но все-таки чуть смутилась, и, отвернувшись, стала вплетать цветок в свою косу.

Акха и Эльза пошли к реке, Леман крикнул им вдогонку, чтобы не отходили далеко, быстро расседлал своего коня, и прилег на траву рядом с другими воинами.

– Сколько здесь дичи, – поглаживая бороду, говорил Паттан. – Если бы Грэй ни подстрелил того оленя, мы бы ели сегодня лосятину. Я видел лосиху с лосенком. Только родился, еще на ногах толком не стоял. Какое у них нежное мясо... Грэй, старина, никогда тебе не прощу.

– Да-да, на тебя понадейся и умрешь голодной смертью... – потягиваясь, сказал Грэй. – Ты мазила. И с трех шагов промахнешься. То тебе ветер мешает, то стрелы кривые... Помню-помню того кабана... И ведь расскажешь кому – не поверят...

– А, ты про того заговоренного кабана?..

– Ну вот, теперь кабан заговоренный. И вот так всегда с тобой...

– Да, заговоренный! – возмутился Паттан. – Я про него узнавал. Этого кабана вся деревня боялась. У них в том году колдун в волчью яму угодил, помер в ней, и стал охотникам мстить.

– Что за история? – спроси Леман, – Расскажите.

– Нечего рассказывать, – отмахиваясь от назойливого комара, сказал Грэй. – Загнал нас кабан на деревья. Меня, и вот этого стрелка. Мой лук на земле остался, а у этого лосятника и лук и стрелы все с собой. Десять стрел и все мимо. Хоть бы раз попал! – поднимая палец, возмущался Грэй. – Сутки кабан нас не отпускал. Сутки! Лос-с-сятник...

– Заговоренный кабан, – говорил Паттан эрлу. – Заговоренный... И я может даже и попал бы, но один раз промахнулся, и этот, – он показал взглядом на Грэя, – так посмотрел на меня, что... А я вот не могу, когда так смотрят... А потом как зовелся: «Да я гадюке в ухо могу попасть! Да я комара в пупок бью» – перекиривлял он Грэя. – И вот все это под руку...

Леман понимающе кивал.

Добравшись до воды, Акха сбросила себя платье и окуналась в свою родную стихию. Эльза, дожидаясь на берегу, плела венки из синих, желтых и красных цветов. Она все думала, какой из них больше похож на нее. Желтые ей нравились, потому что подходили к цвету волос. Красные лучше пахли, но они были больше похожи на Акху. Белые? Нет, она не могла решить какому из цветков дать свое имя, но была уверена, что вот эти красивые голубенькие с жестким волокнистым стеблем должны называться Леман.

Акха вышла из воды, легла на траву и нагишом стала обсыхать на солнце.

– Тебе здесь очень нравится, да, – сказала она. – И мне нравится.

– В мире Голубых озер мало цветов, – сказала Эльза. – У нас нет леса, нет такой травы, и такого ароматного воздуха. С одной стороны каменистые горы, с другой пустыня, на Востоке бескрайнее озеро, а на Севере плодородные поля, но все они засеяны злаками. Я проехала много земель с тем человеком в черном, с тем, которого ты видела в Акарее. Было много красивых мест, но так как здесь, не было нигде.

– Он не женится на тебе, – сказала Акха. – Ты для него слишком маленькая.

– О ком ты говоришь? – спросила Эльза.

– Не морочь мне голову. Я читаю твои мысли, – напомнила Акха. – Но здесь и правда здорово. Для того, чтобы это понять не надо быть влюбленной. Ты видела только пустыню, а я одно только море. Когда мы плыли по рекам, или проходили возле морского берега, меня опускали в трюм. Если бы они забыли, хотя бы раз, я бы убежала. Покормить забывали, а вот запереть на замок – никогда. Иногда я слышала, как шумят деревья. А в сильный ветер они выли, как наши мачты. Я представляла себе тысячи кораблей в Бескрайнем море. Мне нравился запах леса. От досок в трюме тянет плесенью и сыростью, а лес это те же доски, только живые. Лес пах смолой и листьями. Еще он пах полевыми цветами. Яркими, как юбки наложниц арпийских эрлов. Они плыли с нами по Тихому морю. Сладкий запах, но от него может закружиться голова.

Я представляла себе поляны с цветами, но не верила, что когда-нибудь увижу. А потом тарийцы захватили нас, и я увидела Дикие земли из клетки. Этот мир я почувствовала кожей. А теперь я могу рвать листья, топтать цветы, и мять траву голым задом. Это счастье, – заключила она, потягиваясь на солнце.

– Да, это счастье, – сказала Эльза. – Как жалко, что моя сестра никогда не увидит Диких земель. Свою младшую сестру Алар, я брала с собой на гору Начал. Ее так называли древние анвы. Их бог Ион скинул с неба своего брата Нои, и гора проткнула Нои насквозь. Ион стал править живыми, а убитый им брат мертвыми.

Мы с Алар поднимались высоко, как только могли, и оттуда дворец Киграха казался маленькой белой ракушкой, наш дом был величиной с ноготок, зато Тихое озеро оказалось огромным, бесконечным, и не верилось, что за ним еще что-то может быть.

– Сколько миров ты увидела с тех пор, – сказала Акха. – А сколько их еще есть... – Она вдруг услышала, что к ним кто-то идет. Хоть и не очень стеснялась, но все-таки решила укрыться платьем. Акха единственная из детей, кому досталась одежда впору. Ее платье было из оранжевого легкого, почти прозрачного шелка. Эльза и Мия ходили в широких домотканых рубашках, и юбках сшитых из пестрых синих и красных лоскутков; юбки были так длинны, что Леману пришлось клинком укоротить их почти на половину. Мальчикам тоже подобрали самые маленькие рубашки, но и они были им велики. Эламиру и братьям, приходилось закатывать рукава по локоть. Длинные штаны, они подвязывали кожаной веревкой, и чтоб не топтаться по штанинам, подворачивали их до колен.

– Вы что не слышали, что вас зовут?! – узнали девочки голос Лемана. Скоро он поднялся на холм и спустился к ним; склоняясь у воды, вымыл лицо и напился, черпая ее рукой.

Эрл был чем-то озабочен. Вглядываясь в густые заросли на противоположном берегу, он сильно прищурился, кожа на лбу собралась в морщины, и Эльзе показалось, что от этого он

становится старым, как Грэй. И она испугалась, что эрл постареет и умрет, до того, как она вырастет и очарует его.

– Что случилось эрл Леман? – спросила она, с тревогой, понимая, что он не станет волноваться без причины.

– Паттан кого-то услышал в лесу, – не снимая руки с рукоятки меча, ответил он. – Всадников. Вернее их коней...

– Тарийцы?

Эрл пожал плечами.

– Там тоже кто-то есть, – сказал он, не отрывая взгляда от камышей и деревьев на той стороне. – Птицы... Как-то притихли – нет? Вы слышите птиц?

– Я слышу водопад, – сказала Эльза. – Разве вы кого-то боитесь, Эрл? – спросила она. – С нами Чиар бесстрашный. Пусть возьмет большой топор Грэя, пойдет в лес и всех прогонит.

– Вот это мысль! Он будет в восторге, – ответил эрл. – Так и поступим. А теперь собирайтесь.

– Я еще окунусь? – спросила Акха. – Они знают, что мы здесь. Мы знаем, что они там. Зачем бежать. Покажем им, что мы не боимся. Я окунусь...

– Нет, – строго сказал Леман. – Одевайся.

– Ну-у... – загадочно сказала она. – Я не могу одеваться, когда из кустов за мной наблюдают какие-то посторонние. Я стесняюсь.

Уперев руки в бока, Леман, развернулся к ней, и Акхе хватило одного взгляда на его хмурое непреклонное лицо, чтобы понять: продолжать испытывать его терпение не стоит. Она скомкала свое платье, и, встав на ноги, принялась вытряхивать, совершенно не заботясь о том, что, о ее наготе подумает Эльза, Леман, и «посторонние в кустах».

Эльза слегка позавидовала, разглядывая выразительную фигуру Акхи. Тело ее еще не сформировалось, но уже была грудь, была узкая талия, широкие бедра и длинные прямые ножки. И не смотря на то, что Леман отвернулся, Эльза заметила в его взгляде любопытство, и впервые в жизни она испытала ревность к мужчине.

– Благородная мейси никогда не станет светить своей голой задницей даже перед собственным мужем, – назидательно произнес эрл. – Ты едешь в Харпу. Там дамы носят длинные юбки. Если мэйси покажет мужчине лодыжку, откроет в его присутствии шею, или подаст руку без перчатки, то прослывет падшей женщиной. Знатные варды и простолюдины приходят к таким с непристойными предложениями. И даже если дама на самом деле порядочная, и посылает их куда подальше, от грязи ей уже не отмыться.

– Я отмоюсь, – с вызовом, ответила Акха. – Пусть приходят.

– Ты да, – согласился Леман. – Тебе хоть словами, хоть поленом, все одно не проймет. Я и представить не могу, что мы будем делать там с твоими манерами.

– Переучивать, – сказала Акха.

– Ну... если ты будешь стараться, то конечно, кое чему мы тебя научим, – раздумывая, согласился эрл.

– Почему это меня? – удивилась Акха. – Мы их будем переучивать.

Эрл усмехнулся, жестом показал, чтоб быстрее одевалась и посмотрел на Эльзу.

– Какой красивый у тебя веночек, – сказал он ей. – Ну-ка одень.

Эльза водрузила веночек себе на голову, повернулась к нему профилем, и, задрвав кверху нос, приняла красивую позу.

Леман всплеснул руками.

– Ну... Афертика!

На щеках у девочки заиграла краска.

– Это комплемент? – спросила она.

– А на что это еще похоже?

– По нашим законам, если парень делает девушке комплимент, то он обязан на ней жениться, – с серьезным видом, заявила она. – Если он отказывается, то его забрасывают камнями, а ее больше никто не возьмет замуж – никогда. Теперь, если кто-то узнает, то со мной поступят еще хуже, чем с вашими мейси, которые оголяют свои шеи лодыжками.

– Ну... – слегка смутился эрл. – Может, тогда это был не совсем комплемент?

– Нет-нет, это был он, я точно знаю.

– А давай никому не будем об этом рассказывать, – предложил эрл. – Я не люблю, когда в меня бросают камни.

– Ну ведь есть и другой вариант, – сказала Эльза. – Вы ведь пока не женаты...

Акха наконец, натянула на себя платье, так же как эрл, напилась из реки, и поспешила за ушедшими вперед Эльзой и Леманом.

– Не женись на ней сегодня эрл, – смеясь, крикнула она им вдогонку. – В Диких землях женятся по своим правилам. Тем более она все придумала, и такого глупого закона у них нет.

– Нет, есть! – крикнула Эльза.

– Нет, нет!

Эльза рассердилась.

– Ну а тебе-то какое дело есть или нету?!

– А я может, сама еще за него замуж выйду! – догоняя их, смеясь, сказала она. – По нашим законам ведь так, если тебя кто голой увидит, то он твой муж. А иначе на голову мешок, к ногам камни и обоих в море. Эрл Леман, ты хорошо плаваешь?

– Ну и зачем придумала? – спросила Эльза.

– Да ни зачем, – сказала Акха. – Скажи лучше, зачем он тебе? Если он смотрит в глаза и врет. Хочешь, чтобы он всю жизнь тебя обманывал? У него будет слишком много тайн от тебя, как от друга, и еще больше, как от жены.

– Когда же это я тебя обманывал? – обиженно спросил Эрл.

– Не сказать правды это и значит обмануть. Что ты скрываешь эрл? Ты как-то научился прятать от меня мысли. Я не знаю как ты это делаешь, но мне это не нравится. Добрых мыслей не прячут.

– Всякие прячут, – возразил Леман. – Я вот не хочу чтоб ты знала когда мне приспичит в носу поковыряться. Думаешь, приятно жить и гадать подслушивают тебя сейчас или нет? Собственных мыслей начинаешь стыдиться, и с самим собой, рассуждать неискренне. Нет – должно быть личное пространство. А вдруг я чужую тайну вспомню, или любовницу свою, или чужую, или обеих сразу. Представлю, как одна другой спинку в бассейне мылит. Про такое ведь детям рассказывать нельзя. И потом, я ведь не копаюсь в твоих мыслях...

– Да, наверное так и есть. Твои мыльные любовницы и ковыряния в носу, твое дело эрл – тут ты правы. Но поклянись, что ты не скрываешь ничего, что касается именно нас – меня, Эльзы, Эламира и остальных. Можете?

Леман остановился.

– Поклясться?

– Поклянись.

– Не буду, – поразмыслив, ответил эрл. – Да, ты права. Я знаю, немножко больше чем говорю. Когда-нибудь, когда посчитаю нужным, я с вами этим поделюсь.

– Ну хоть тут не соврал, – сказала Акха. – После того, как освободил нас, ты одел на средний палец левой руки кольцо. – Она взяла его за руку, и показала на бронзовую, испещренную мелкими не читаемыми надписями, печатку. – Это оно не дает мне проникнуть в твою голову. И ты об этом знаешь. Кольцо неспроста оказалось у тебя. Ты готовился. Вы ведь не случайно напали именно на последний тарийский обоз, ведь так? Ты сделал это из-за нас – из-за проклятых?

– Молодец, – похвалил эрл. – Даже кольцо заметила. Наблюдательная. Ну а теперь пошли. И не оглядывайся сильно. За нами следят.

Повозок на месте не оказалось. Чиар загнал их обратно в чашу леса по распоряжению эрла, еще до того, как он отправиться за девочками.

Как только Леман и дети прошли поляну, и густая листва спрятала их от глаз невидимых наблюдателей, он приказал Эльзе с Акхой бежать за ним, что есть сил. Не раздумывая, они помчались по петляющему следу от повозок, оставленному на сырой перерытой земле.

Эльза все время оглядывалась на бегу, ожидая, что кто-то появится, поэтому не разглядела прикрытый листвой пенек, запнулась об него, и распласталась на земле. Леману пришлось вернуться. Одной рукой, как перышко, он закинул девочку себе на плече, и устремился вслед за Акхой.

– Когда бегут, смотрят вперед! – поучал он Эльзу, несясь по зарослям волчьего кустарника. – Кого ты там все хочешь разглядеть? Прекрасные томены по лесам не шастают. Своих богатых невест они спасают только из золотых темниц.

Колючие ветки больно хлестали Эльзу по затылку и расцарапали шею.

– Аккуратней! – потребовала она. – Даже дикие нарки своих неверных жен к обрыву смерти аккуратнее несли. Мейси своих так носите, а я и сама могу бежать.

– Ты не умеешь. Всего две ноги и в тех запуталась.

– У вас тут где попало деревья валяются, – пожаловалась девочка. – А у нас в Анве все на своих местах. Я сколько раз бегала и ни разу не упала. Папа говорил, я грациозно бегаю.

– Грациозно как крот.

– Как крот, это как? Это был еще один комплимент?

Добравшись до своих Леман первым делом надел на себя кольчугу, и достал со дна телеги круглый деревянный щит. Трое дожидавшихся солдат уже облачились в доспехи, и цепляли к кожаным ремням на поясах метательные ножи. Грэй с ними не было. Старый лучник занял позицию где-то на возвышенности; он был скрыт ветками сваленного ясеня и зарослями высокого конского щавеля.

Скоро, со стороны поляны, выдавая свое приближение треском сучьев, и топотом конских копыт, прискакал Паттан. Он был запыхавшимся, как и его коротконогий полосатый, похожий на зебру жеребец. Спрыгнув на ходу молчун стал сбивчиво говорить, и, не теряя времени, подобно Леману принялся облачаться в кольчугу.

– Это не тарийцы, эрл Леман, – торопливо сказал он. – Это Белое братство... и там есть наши. Они готовили засаду... Для нас эрл Леман...

– Наши, – повторил за ним Леман, и не хорошо улыбнулся.

– Ждали в засаде, – продолжал Паттан. – Но они поняли, что выдали себя, и идут сюда. – Он достал из телеги три копья. Вытащил свой шлем, вытряхнул его и со скрежетом протер своим стальным рукавом. – С ними духовные отцы. Я узнал Криса и отца Габриэля.

– Одноглазый с ними? – спросил Леман.

Молчун кивнул.

– Сигур там. Они никогда не пошли бы против вас эрл, но эти дети... – Молчун посмотрел на сидящих рядом плечом к плечу девочек, и остановил взгляд на Эльзе. Он не очень любил детей, но к Эльзе, из-за ее простоты и добродушия успел привязаться. К тому же она любила поболтать, что делало их с молчуном очень похожими. – Духовные отцы хотят убить их, – попытожил Паттан. – Они боятся этих детей. Духовные отцы подговорили солдат.

Эрл сплюнул.

– Святой Габриэл... – процедил он сквозь зубы. – Надо было повесить этого смутьяна еще пять лет назад в Туманном бору. Ну ничего, и здесь подходящее дерево найдется.

– Не думаю эрл Леман, – потупив взгляд, произнес Паттан. – Их там человек двадцать-двадцать пять. И с ними Сигур, – напомнил он, мельком взглянув на эрла. – Сигур бьет без промаха.

– А с нами Чиар бесстрашный! – подала свой

голос Эльза. – А он стоит тысячи! Ведь ты сам говорил! – обратилась он к Паттану.

– Мда... – взглянув на Чиара, пробормотал молчаливый. – Конечно стоит... Я... совсем о нем забыл.

«Мы тоже будим драться!» – хотел заявить Эламир, но в коротком миге будущего, которое было ему доступно, бородатые воины эрла только посмеялись над ним. Эламир видел будущее, в котором он доставал из повозки тарийские мечи и копья, но Леман всегда забирал их, объясняя, что с оружием в руках, его убьют в первую очередь. Мальчик прислушался к гулу водопада. Он уже знал, что на их счет решил Леман.

– Отведешь детей к водопаду, – сказал эрл, стоящему рядом с ним Чиару. – Пойдете через лес. Пока они думают, что дети здесь, у вас есть шанс вырваться. Но учти, долго мы их не удержим.

– Не надо разделять силы, эрл Леман! Нас всего пятеро, но мы сможем одолеть их, – возразил толстяк. – Вместе сможем! Помните как собравшись в один кулак, мы били горцев в кривом ручье. Нас тогда тоже было меньше. Сверху, они летели на нас лавиной, но мы не дрогнули. Мы встретили их копиями, и целым лесом заостренных кольев. Горцы лезли на них как поросята на вертел. Они не могли остановиться. Верхние напирали и сбрасывали нижних, а те, которые появлялись снова...

– Не теряй время, – остановил его эрл. – Ждите нас до вечера. Если не придем, на ночь там не оставайтесь – уходите.

– Почему я? – продолжал спорить толстяк. – Пусть Мальвин идет. Он ранен в руку, еще с прошлого боя. От меня будет больше пользы!

– В том то и дело! – выдохнул Леман. – Я рассчитываю на твою удачу, – сказал он с сердцем. – Теперь от тебя зависит судьба Харпы, будущее нашего Мира и всего пятигорья. Это я вырвал этих детей из лап смерти, и собрал вместе со всех концов света. И поверь, я сделал это не для того, чтобы отдать их на растерзание фанатикам! Отведи их в безопасное место. Сейчас это самое главное. У тебя получится, ты выкрутишься. Потом можешь умереть, но сначала выведешь их отсюда.

– Я так и знала! – с упреком воскликнула Акха. Наконец-то нашелся ответ на вопрос, который давно ее мучил. – Мы неспроста оказались вместе на оном корабле. Вот она – правда, которую вы скрывали! Значит, это все-таки Вы собрали нас!

Эрл не считал нужным повторять уже сказанное. Он посмотрел на Чиара, и еле заметно кивнул: – Поторопись.

– Эрл Леман, я тоже могу драться! – с отчаянием крикнул Эламир. – Разрешите мне остаться!

Леман отрицательно покачал головой.

Слова эрла задели Чиара за живое. Принимая новые обязанности, он подобрал живот, и придал лицу выражение решительной строгости.

– Ану все за мной! – властно крикнул он; достал из телеги мешок с хлебом и два меха с водой, потом забрал у Паттана одно из его копий, и бросил его Эламиру. – Будешь замыкающим, – приказал он, и еще раз повторил: – Все за мной! Идем след в след! Никаких разговоров! Двигаемся тихо как лисицы! Следите за мной и делайте то же самое! Отстающих не ждем – волки подберут. Ясно вам тритоновы дети? Вперед!

Решительность Чиара удивила всех. Казалось, прикажи он сейчас что-нибудь самому эрлу, и даже он, не раздумывая, подчинится. Детям ничего не оставалось, как поступить так же. По одному они скрылись за деверьями. Эльза и Эламир шли последними. Девочка огляну-

лась, и пристально взглянула на Лемана. Его лицо еще никогда не казалось ей таким обжигающе красивым. Она подумала, что видит эрла в последний раз, и от этого не хорошего предчувствия, комок подкатил к горлу, а по щеке покатилась одинокая хрустальная слеза.

– Прощай, Эльза из Мира Голубых озер, рожденная в свете живой кометы, – улыбаясь, произнес эрл. – Береги своих друзей, Эламир! – попрощался он с провидцем.

– Мы еще увидимся эрл Леман! – крикнул Эламир. – Я знаю будущее! Вы ведь не забыли?!

– Конечно, не забыл – тихо сказал Леман. – Конечно...

Глава 10

Ночей «падающих звезд», всего было три. Три раза на протяжении четырех лет, в первую ночь зимы небо прочерчивали стрелы сотен тысяч комет. Они вспыхивали всюду, пересекаясь, рисовали фигуры и причудливые узоры, разгораясь неожиданно гасли, или тянулись долго, пересекая небосвод от края до края, оставляя на нем жирные полосы.

Кометы проносились над землей так близко, что люди слышали свист, и чувствовали исходящий от них жар. Выходили из берегов моря, поднимались смерчи, а с гор одна за другой сходили лавины, погребая под собой поселки и разрушая города.

Астрономы глядели на сбесившееся небо сквозь толстые линзы увеличительных стекол и разводили руками, простолюдины прятались в погребах, родовитые варды, запирались в семейных склепах, а духовные отцы встречали конец света на площадях, читая молитвы с трибун и крыш высоких зданий.

Ни одна комета, вопреки ожиданиям так и не упала на Землю, но две из них столкнулись в небе, и, озаряя его яркой вспышкой, рассыпались на тысячи мелких искр. На второй год таких вспышек было еще две, на третий одна. Эти кометы прозвали живыми. Говорили об исцелении оказавшихся рядом смертельных больных.

Многим, из тех, чьим жизням уготовлено было оборваться в ту ночь, судьба подарила другой шанс. Многим, но только не владыке отийского Мира Арону третьему. Он был самым старым из всех правителей Пятигорья. Говорили, секрет его долголетия таится в крови юных девственниц, которая давно заменила ему и воду и пищу. Со временем кровь утратила свое магическое свойство, Арон стал быстро дряхлеть, и придворные лекари за глаза стали поговаривать, о его скорой кончине.

Чернокнижник Изар, обещал омолодить Арона, и в ночь звездопада, привел его в дом рожавшей вдовы Оливии Тарм.

Изар принимал роды, пока владыка прятался от роженицы за занавеской. С каждым вскриком женщины силы покидали Арона, и он затыкал уши, в надежде на то, что кровь младенца попадет в его сердце, до того, как оно перестанет биться.

Кометы сошлись в небе, взрыв осветил комнату, бросая сторбленную тень старика на прозрачную занавеску. Раздался крик новорожденного, затем вскрикнула женщина, а через секунду чернокнижник поднес к Арону ребенка.

– Режьте ему руку, – сказал он, протягивая лезвие.

– Я? – испуганно спросил старик.

– Вы, – ответил Изар. – Уже можно, она дала ему имя.

– Какое? – с неприязнью разглядывая младенца, спросил Арон.

– Эламир, – нервно улыбаясь, ответил Изар. – Режьте.

– Он умрет? – спросил владыка, не решительно тыкая острием в ручку новорожденного.

– Да, – сказал Изар. – Мы оба должны были умереть сегодня. Но духи заберут его а не нас.

Мы обманем духов. Никто не узнает... – Чернокнижник оглянулся, прислушиваясь к тишине за занавеской, вытер пот со лба, и, снова повернул лицо к старику. – Я убил ее. Вскройте ему вену... Нет, не так... Так не получится... Вот здесь... Я помогу...

Младенец заплакал, когда Изар сделал надрез на его руке и стал сцеживать с кровь в небольшой серебряный бокал.

– Успели, – радостно сказал он, наполнив бокал на четверть. Сделав небольшой глоток, протянул его Арону. – Пейте мой владыка, сейчас будет еще.

Время Арона было на исходе, за три последних часа лицо покрылось глубокими сухими морщинами, делая его почти неузнаваемым, щеки впали, кожа побелела, а плечи усыпали клочья выпавших седых волос. Каждый вздох давался ему с большим трудом.

Кровь показалась Арону черной свернувшейся клубком гадюкой. Чтобы заставить себя выпить ее, он представлял страстных юных наложниц, веселые попойки, азартную охоту и оскалы убитых им волков. Он увидел себя молодым и сильным, скачущим на резвом скакуне по степи; вспомнил, как руки сжимают топор рассекающий шею подлого заговорщика, и как ликует толпа черни встречая его с победой.

Немедля больше ни секунды, пока снова не появилась кусающая за губу гадюка, Арон принял у чернокнижника бокал, и, сделав последний в жизни выдох, наполнил свой беззубый рот сладкой, приторной кровью. Проглотить ее так и не получилось. Змея никуда не делась, теперь она шипела, раздувалась и протискивалась в горло, вызывая тошноту; владыка подавился, и, хватаясь за шею, хрипя и пуча глаза, рухнул на колени.

Изар шагнул к нему, но тут же попятился. Им не хватило какой-то минуты. Лицо старика исказила гримаса боли и ужаса. Кожа, отрываясь от мяса и кости, буквально стекала с него. Эликсир молодости душил Арона, отнимая, последние мгновения жизни.

Владыка схватил чернокнижника за складку на плаще, хотел подтянуться, но рука соскользнула, и, корчась от судорог, он обессилено рухнул на пол. Что-то пошло не так. Изар почувствовал на языке горький привкус, тело пробил озноб: и ему эта кровь пошла не на пользу.

Арон ушел из жизни минутой раньше предначертанного ему срока, и это время досталась Эламиру. Мальчик стал провидцем, предсказателем одной минуты будущего.

Чернокнижник не думал, что ребенок выживет и оставил его. В полдень солдаты из личной стражи Арона, нашли его мертвым на своей постели.

Он должен был умереть только на закате, но кровь младенца забрала и его часы. Раз в месяц Эламир будет видеть на целый день вперед.

Ребенок выжил, всю ночь его плачь мешался с воем собак, и свистом пронсящих мимо звезд. Только под утро, после долгих переговоров соседи решились войти в дом.

До пяти лет Эламир жил у своей родной тети Ийрин. Помимо племянника у нее было семеро своих детей. Жили они бедно, перебиваясь с хлеба на воду. Муж ее имел торговую лавку, и содержал еще несколько подобных семей, поэтому рассчитывать на помощь многоженца многодетной матери не приходилось. Днем Ийрин помогала торговать мужу, подметала дворы, мыла посуду и убиралась в домах зажиточных господ, а ночами подрабатывала швеей. От тусклого свечного света к тридцати годам Ийрин ослепла на один глаз.

На детей времени никогда не хватало, и они, предоставленные сами себе, днями слонялись по рынкам, высматривая, что бы украсть, или поджидали, когда из пивных вынесут пьяниц, чтобы обшарить их карманы.

Эламир быстро вырос, набивая собственные шишки, постигал нелегкую науку жизни. Для старших братьев он был обузой, и они никогда не делились с ним добычей, и не посвящали в свои взрослые дела. Но Эламир не сокрушался на этот счет – у него была тайна: у него был дар. И познавая его, каждый день мальчик открывая для себя новые возможности.

Утро начиналось с того, что он шел в торговые ряды и становился возле булочника. Он прокручивал десятки вариантов возможного будущего. Крал булочку, проходя мимо лотка, тянулся к ней с боков, или вытягивал у лоточника из-за спины, и только после того, как убеждался, что кража прошла незамеченной, смело брался за дело.

Тысячи раз за ним гнались, ловили, вытаскивали из-под торговых столиков, снимали с деревьев, кричали на него и даже били, но все это было лишь в его видениях, поймать того, кто предвидит каждый твой шаг, и играет на ошибках вовсе не просто. Эламир выбирал только самые безопасные варианты.

На булочках Эламир не остановился. Кладовка, в которой он жил наполнялась дорогими тканями, посудой, одеждой, украшениями и мешочками с серебряными цейлонами. Он вырос и становился мифом, вором призраком, колдовским проклятьем о котором говорили все. Невидимка, сын Тритона, дух праведного Тиму – как его только ни называли. Ему приписывали кражи, которых не было; обвиняли в убийствах; незамужние мэйси вешали на него отцовство своих незаконно рожденных детей, а духовные отцы, сложив суммы украденных вещей, составили дату последнего дождя.

Надо заметить оиннадцати годам Эламир действительно преуспел на этом не безопасном поприще, но делал это не только для себя.

Кто-то подбрасывал деньги нищим; должники, чьи дети сидели в долговых ямах расплачивались с кредиторами; обнищавшие фермеры, чьих коров забрали за то, что они паслись на земле Главного судьи, выплатили штраф, и вернули свой скот. Цейлоны ни с того ни с сего появлялись у больных, у голодных и отчаявшихся. Деньги были у тех у кого их быть не могло.

Наглость вора невидимки перешла все границы, бедные районы по ночам зачем-то стали патрулировать вызванные из приграничных крепостей солдаты; была проведена перепись городского населения; людей останавливали по два раза на день, выясняли куда идут и обыскивали. А на городской площади для острастки стоял страшного вида лысый старик с каменным лицом и нарисованным третьим глазом на лбу. Старик смотрел людям в глаза и назидательно грозил пальцем.

Мер было принято больше чем достаточно, вот только краж после этого меньше не стало.

Сестры и братья Эламира больше не голодали. Раз в месяц он кидал в форточку своего дома два золотых ромба. Столько тетя Ийрин не зарабатывала и за год. Он мог бы давать и больше, но это было бы подозрительно. Ийрин итак стала ссужать деньги своему мужу, чем вызвала не мало толков. К счастью она вовремя опомнилась, заявись к ним с обыском городская стража, и, загляни они в коморку Эламира, то очень бы удивились.

После двух лет неурожая, на площади раз в месяц, сжигали обвиненных в колдовстве старух. Купцы со всей Отии приезжали посмотреть на это зрелище. Наученные Эламиром горожане отправляясь на казнь не брали с собой ничего ценного, но неискушенные купцы, хвастающие набитыми ромбами кошельками, болтающимися на золотых цепочках, были для Эламира легкой добычей. Он срезал их на стыке, там где кожа цеплялась к золотому кольцу. В дни казни он приносил домой до пяти таких кошельков.

Эламиру приходилось вскрывать пол в своей в маленькой комнатке, и заталкивать часть оставленных себе сокровищ под доски, потому что иначе, был бы вынужден спать стоя.

Примерно в это время и появился Аklus. Ийрин, по сестрински выделила ему комнату, но он сам в ней никогда не жил. Аklus обставил ее новой мебелью, купил большую высокую кровать, повесил на стены, и даже на потолок зеркала. Почти каждый день он привозил и провозжал в комнату пожилых богато одетых женщин, и сильно напудренных щегольски одетых юношей. Оставив их наедине, он дожидался в питейной на противоположной стороне улицы.

Эламир не знал чем они занимались, но несколько раз наблюдал, как на выходе эти женщины расплачивались с Аklusом цейлонами, а одна, распаренная, как после бани, с размазанной по щекам помадой, сунула ему в руку целый ромб.

– Видел! – проводив ее, тогда сказал Ему дядя. – Никогда не работай руками. Заработаешь цейлон, решишь, что это не плохо, и жизнь твоя дорога от тюрьмы до кабака, и обратно. Рабу не заработать больше цейлона. Для них всегда жалеют. Работай вот этим, – Он постучал себя по лбу. – Отхватишь ромб, и никогда не опускай планки.

– Я буду работать, – ответил Эламир. – Я куплю корабль и буду ловить кальмаров на своем корабле.

– Ну и напрасно, – сказал дядя. – Как тебя зовут? – спросил он.

– Эламир, – ответил мальчик.

– Аааа... Ты сын Оливии... Жаль сестренку. Но я никогда не любил ее. Гордячка была – ни о чем нельзя было попросить – ты ведь не такой? Знаешь, что малыш... – сказал он, роясь в своем кармане. – Почистишь-ка мне туфли. Они там, возле двери... Такие черные, увидишь... – Он махнул рукой в сторону двери, потом положил на угол стола перед Эламиром овальную желтую монетку – один цейлон.

Эламир скинул ее со стола к ногам Аклюкса.

– Почистишь сам, – сказал он.

Аклюс усмехнулся, достал из кармана кошелек, отсчитал десять цейлонов, и положил их перед мальчиком.

– Молодец, – похвалил он племянника. – Всегда знай себе цену. Ты будешь самым дорогим чистильщиком обуви в Ликоне. Не опускай планки, и когда-нибудь будешь смахивать пыль с позолоченных туфель самого владыки.

Но Эламир сбросил и эти деньги, чем ввел дядю в некоторое замешательство. Аклюс призадумался, оценивая разглядывая племянника, снова полез в карман.

– А ты быстро учишься, – сказал он. – Ты усвоил урок. Что-то в тебе есть. Когда подрастешь, найди меня. Мы поговорим о твоём будущем. Пока, ты не стоишь и цейлона, но из тебя может получиться сообразительный слуга. Почисти их хорошо, не жалея крема, и дядя не обидит. – Аклюс стукнул ладонью по столу, и медленно убрал ее в сторону, оставив на столе золотой ромб. Эламир, даже не взглянув, смахнул и его.

– Ааа... – протянул Аклюс. – Так ты ничего не понял... Ну что ж, вот тебе еще одно правило, – сказал он, став на одно колено, и поднимая деньги с пола. – Продавайся вовремя. Старое вино может стоить дорого, но и оно портится. Кислятину сливают в отхожие места. Тухнет рыба, идеи, красота и даже власть. Каждому товару свое время и место, помни об этом мой славный малыш.

– У меня нет таких красивых, лаковых туфель, как у тебя, – сказал Эламир. – Я хожу в сандалах. Они рвутся, я их зашиваю, и ношу снова. На это старье никто не позарится, и я оставляю их прямо здесь на ступеньках у крыльца. Никому они не нужны... Никому кроме меня. В них еще моя мама ходила. Мы по разному оцениваем вещи, учти это – мой славный дядя. Если ты помоешь мои сандалии, я дам тебе не один, а целых два ромба. – Эламир полез в карман, и, подражая Аклюсу, стукнув ладонью, положил обещанные ромбы на угол стола.

– Ну что ж, – поднимаясь, сказал Аклюс. – Может ты и не раб. Гордый, как твоя мать. И в этом ваша слабость. Учись играть на чужих слабостях малыш. Это тебе третий урок. Значит, старшие братья все-таки делятся с тобой. Два ромба, для такого славного и скромного мальчишки – слишком много. Они тебя испортят. – Он забрал ромбы и, покачав в ладони, положил в кошелек. – Я поговорю с твоими братьями. Золото губит неискнушенную добродетель.

– Так ты помоешь мои сандалии? – спросил Эламир.

– Нет. Где ты видел хозяина, который моет обувь своим слугам? – ухмыльнулся дядя.

– Но ты взял деньги... Взял деньги, но не сделал работы.

– И это мой четвертый урок, – сказал Аклюс. – За четвертый урок я мог бы потребовать четыре ромба, но один я прощаю тебе за то, что мы родственники, а второй за то, что ты сирота.

На этом, вполне довольный собой, он откланялся.

Эламиру не стоило большого труда узнать где живет дядя. Уже на следующий день он проник в его дом, и в считанные секунды, представив тысячи вариантов своих возможных действий, нашел тайник. Он разбивал вазы, ломал простенки и вскрывал полы, наконец, догадался подняться на чердак, и не ошибся. Дядино состояние представляло из себя три мешочка цейлонов и пятнадцать ромбов, в аккуратном, завязанном узелком платочке. После визита Эламира их осталось тринадцать: племянник забрал только свое.

Примерно через неделю после этого Эламира чуть не поймали. Он разбаловался, поверил в свою безнаказанность и стал рисковать. Если раньше, срезав кошелек, он тут же уходил, не привлекая внимания, то теперь вешал вместо него другой, и чуть отойдя в сторону, наблюдал за реакцией своей жертвы. В подмененных мешочках были крысы, пауки или ящерицы, и как только они начинали ерзать и скрестись, над площадью поднимался жуткий крик.

Несчастливого, который пытался сбежать от собственного ожившего кошелька, ловили, и тут же обступали со всех сторон. Всем было любопытно, во что же превратятся деньги на этот раз. Освобожденные твари разбегались в разные стороны; толпа начинала вскрикивать волнами, выдавая маршрут их движения. Местные начинали хохотать до одури, а приезжие, охваченные суеверным ужасом зачастую падали в обморок.

После очередной такой проделки, неожиданно солдаты перекрыли все дороги с площади. Ожидающая казни толпа заволновалась. Главный судья поспешил подняться на эшафот и объявить, что казни сегодня не будет. « Вам не о чем волноваться, – заверял он. – Проводятся мероприятия по поимке городских мошенников. И главная наша цель – зарвавшийся карманник, обокравший чуть ли не всех знатных горожан, и вашего покорного слугу (он показал на себя) Что насмешка не столько надо мной как личностью, сколько унижение воплощенного в этой личности закона, отчего нам всем оскорбительно вдвойне! Но сегодня мы разоблачим негодяя! Обещаю вам, кто бы он ни был – дух, посланник тьмы, или сам беззубый Тритон, но мы разберемся, где там у него шея, и затайем вокруг нее петлю правосудия!»

После было сказано, что среди присутствующих на площади горожан было двадцать подставных, которых использовали в качестве наживок. У пятерых из них срезали кошельки, а одному даже подсунули крысу, что свидетельствует о том, что искомый вор, прячется где-то в толпе.

Все кошельки были обработаны специальной жидкостью, и если руки, которые касались их, окунуть в специальный раствор, то кожа на них посинеет. Так что даже если вор избавится от кошелька, руки все равно его выдадут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.